

Легенды Великой стены

Баянғали Алимжанов

Аблай хан и его батыры

Легенды Великой степи

Баянғали Алимжанов

Аблай хан и его батыры

Повесть-легенда для детей и юношества

Астана-2015

УДК 821.512.122-93
ББК 84 (5-рус) - 44
А 50

А 50 АЛИМЖАНОВ Б. АБЛАЙ ХАН И ЕГО БАТЫРЫ. ЛЕГЕНДЫ
ВЕЛИКОЙ СТЕПИ. – Астана: Издательство «Фолиант», 2015. – 64 с.

ISBN 978-601-302-320-5

Новая книга Баянгали Алимжанова – это повесть-легенда для детей и юношества, но будет интересна и взрослому читателю. Повесть основана на легендах и преданиях казахского народа, какими они веками передавались из поколения в поколение. Автор пересказал их, выстроив в единое художественное целое, объединив с историей Аблай хана.

Жизнь и деяния Аблай хана, одного из величайших казахских ханов, были примером служения своему народу, своей Родине. Рано осиротевший, он из простого пастуха стал храбрым бойцом, талантливым военачальником и мудрым правителем, проводившим безупречную политику в отношении могучих соседей – Джунгарии, Китая и Российской империи. Даже попав в плен, Аблай хан сумел завоевать уважение и дружбу своих врагов, признавших его бесстрашие, благородство и острый ум.

В мыслях и чувствах героев произведения немало созвучного с нашим временем. Познавательный материал из народной сокровищницы, исключительные перипетии судьбы Аблай хана, потрясающие подвиги могучих героев эпохи казахско-джунгарских войн, мудрость и великодушие кочевников представляют большой интерес. Книга захватывает с первых строк и читается легко, на одном дыхании.

ISBN 978-601-302-320-5

УДК 821.512.122-93
ББК 84 (5-рус) - 44

© Алимжанов Б., 2015
© Издательство «Фолиант», 2015

От автора

Эта повесть основана на исторических преданиях и легендах казахского народа, записанных в свое время Чоканом Валихановым, Машиур-Жусупом Копеевым, Шакаримом Худайбердиевым и другими видными казахскими этнографами. Но она является также художественным произведением, что позволило автору некоторые вольности в трактовке и своеобразном осмыслении событий далекой эпохи.

Беспечный

Э то было в первой половине восемнадцатого века. Время было беспокойное, более ста лет шла война между казахским ханством и джунгарской ордой.

Но этот старинный город в глубине южной окраины Великой степи не знал войны и жил своей обособленной жизнью...

Ласковые лучи восходящего солнца мило разбудили ханзаду Аблая. Счастливый мальчик, радостно потягиваясь, долго нежился в мягкой постели. Ему было двенадцать лет. Растущее тело излучало силу и здоровье, в больших черных глазах светились ясный ум и душевная чистота.

Город давно проснулся, его улицы вовсю кипели жизнью. Ханзада любил этот древний город, которым управлял его отец Вали Прекрасный – так прозвал своего правителя многоликий городской люд за добрый нрав и благородный облик.

Вошла мать Аблая. Как все матери, она очень любила своих детей, и, как все дети, Аблай считал, что она любит его больше всех. Для него она была необыкновенной, самой чудесной матерью на свете. И когда она прижимала его к своей груди, ласково гладила по голове, ханзада забывал обо всем на свете, чувствовал себя совсем маленьким ребенком и от счастья у него кружилась голова.

– Да сохранил тебя Аллах! – тихо прошептала она.

Ханзада быстро собрался и отправился в город.

День, насыщенный учебой в медресе у бородатых мудрецов в больших, как белые облака, чалмах, чтением в библиотеке и упражнениями в боевых искусствах под руководством Ораз аталыка, пролетел незаметно...

Уставший от дневной суеты и занятий, ханзада выпил пиалу кумыса и лег в постель. Но ему не спалось, и при свете медной лампы он начал читать старинную рукописную книгу об управлении государством и военном деле на шагатайском языке, написанную красивой арабской вязью на пергаменте. Мысли древних политических деятелей и военных стратегов так завладели мальчиком, что ханзада возомнил себя выдающимся правителем и полководцем, живо представлял себе, как будет мудро действовать в тех или иных исторических обстоятельствах.

Так и заснул, качаясь в потоке необузданных детских фантазий...

Атака

Предрассветный сладкий сон города нарушили гулкий топот копыт, дикие крики и лязг оружия. Тысячи и тысячи всадников с шумом носились по городу, как свирепый смерч, не оставляя без внимания ни одну улочку и переулок. Это был ураган смерти – джунгарские завоеватели, ударившие внезапно и коварно.

Успевшие выскочить горожане оказывали отчаянное сопротивление.

Полусонный Аблай кое-как натянул одежду, схватил кинжал, но не решился выбежать на улицу, где шла резня. Враги, уничтожив горстку выскочивших на улицу храбрецов, уже врывались в дома. Стоял невыносимый, душераздирающий шум – плач, стоны и проклятия погибающих мирных горожан смешивались с дикой бранью и боевым кличем ликующих джунгар.

Вдруг растерянный Аблай увидел в проеме двери огромную тень. «Конец!» – подумал мальчик, остолбенел и мгновенно покрылся холодным потом.

Тень приблизилась прямо к нему. Ханзада встрепенулся и вырвал кинжал из ножен.

– Аблайжан! Айналайын! – облегченно произнесла «тень». – Слава Аллаху, ты жив!

Это был добрый, преданный слуга Вали хана Ораз аталык. И обращался он почти по-родственному, а не по этикету, не сказал «так-сыр».

Мальчик схватил его сильную руку.

– Что случилось? Что делать?! – с жаром спросил он.

– Ужасно, ханзада! Нас застали врасплох! Наверное, в городе были лазутчики джунгар, и они открыли им ворота! Большинство наших погибли!

– Где отец? Мать, братья? Живы?

– Не знаю, – тихо, жутким голосом сказал Ораз. – Из этой бойни убежать невозможно! Надо хорошо спрятаться! Но только не здесь. Скоро сюда придут! Идемте быстрее!

С этими словами он потянул за руки Аблая и шагнул к выходу. В это мгновение просвистела вражеская стрела и вонзилась в стену, где только что стоял Аблай.

– Всевышний сохранил вас! Иншаллах, вы будете спасены!

Ханзада был тронут душевным порывом Ораза, но не подал виду, лишь пробормотал: «Аминь!»

Пробираясь на ощупь, потайным ходом, в темноте натываясь на

трупы, они вышли на мрачную, тихую улочку. Светало, но рассвет был угрюмый, тяжелый. Сердце мальчика бешено колотилось, и ему сейчас сильнее всего хотелось нырнуть в свою теплую пуховую постель. Но кругом лилась кровь, свистели стрелы и сверкали сабли, сея смерть и страх. Сжимая сильную руку Ораза, ханзада крепко стиснул зубы и твердо шел за ним.

Перебегая от закоулка к закоулку, они вышли на задний двор чайханы. Неожиданно вынырнули из полумрака два всадника и бросились на них. Но большой, храбрый Ораз молниеносно взмахнул правой рукой, и его острый, короткий найза пробил насквозь горло первого всадника. Мальчик видел четко, как враг в страшных судорогах, захлебываясь собственной кровью, свалился с лошади. Это была первая смерть, увиденная Аблаем. Он обомлел.

В это время второй всадник на полном скаку с размаха рубанул саблей Ораза, но тот ловко увернулся от удара и в прыжке схватил джунгара, вырвал из седла и всадил кинжал по самую рукоять в горло. Алая кровь человека, хлынувшая из глубокой раны, залила Ораза с головы до ног.

Послышались шум голосов и стук копыт. Аблай понял – враги приближаются.

На какой-то миг он и Ораз замерли в ожидании конца...

Ярость

И вдруг Ораз аталык увидел перевернутый черный тайказан и его осенило.

– Скорее, ханзада! – шепнул он. – Я вас спрячу под этим черным казаном. Авось враги не заметят!

Аблай усмехнулся:

– Ханзада под казаном?!

– Издревле казан считается у казахов священным! Всевышний привел нас сюда в этот час испытаний!

С этими словами Ораз поднял край тайказана и спрятал Аблая под ним.

– Я буду рядом! – шепнул он на прощание. – Самое главное – спокойствие!

– Ох, как тесен мир! – вздохнул Аблай с горечью, скрючившись под казаном. – И как превратна судьба!

Еще вчера ночью он долго глядел на небесный купол, его мысли парили ввысь, к далеким звездам, и чувствовал он себя владыкой мира! Теперь его небесным сводом стало дно перевернутого казана! Ночью он лег в пышную, мягкую постель, а утром лежит на голой, холодной земле, укрывшись старым черным котлом! И он не владеет даже этой тесной площадью: в любое мгновение могущественные джунгары могут перевернуть казан – и тогда конец!

Постепенно мрачные мысли начали рассеиваться. Под казаном было довольно просторно – во всяком случае Аблай мог

переворачиваться с боку на бок, лежать на спине, согнув ноги. Между неровной землей и краями казана кое-где оставались щели и пробивался свет, доносились звуки ожесточенной схватки. Шум усиленно приближался.

– Проклятые собаки! Все равно вам не победить!

– За нас еще отомстят!

Судя по голосам, на улице отчаянно сражались несколько казахских воинов. Джунгары дружно загоготали.

– Ха-ха-ха! И кто же будет мстить за вас? На кого вы надеетесь?

– Уже никого не осталось в живых! Мы вырезали всю семью вашего хана и всех султанов, всю знать! Великий нойон Чарыш велел истребить всех! Так что прощайте!

Вскоре шум сражения стих – все было кончено. Несколько стрел звякнули по казану. Сердце Аблая, обливаясь кровью, бешено колотилось, страх и ярость боролись в душе: ему хотелось выскочить и закричать: «Я есть! Это я отомщу за всех!» – и броситься на врага, и резать, резать их! Ему так хотелось схватить этого предводителя Чарыша и оторвать ему голову. Но он ясно осознавал, что бессилён что-то изменить, что сейчас бессмысленно кидаться со своим маленьким, красивым кинжалом на полчища джунгар. Его детская душа разрывалась на части: он ясно понял, что все – отец, мать, братья и сестры, вся родня погибла! Из всего рода он остался один! И он должен выжить!

Ему становилось еще страшнее от того, что джунгары рядом и они могут в любой миг его обнаружить. И он прижимался к земле, боясь даже свободно дышать.

Эти мучительные мгновения тянулись медленно, казалось, они никогда не закончатся.

Постепенно воцарилась тишина. Обессиленный от потрясений мальчик невольно забылся сном...

Проснулся он от легкого прикосновения чьей-то руки. Кто-то, приподняв казан, тихо будил его. Было уже темно, но Аблай сразу узнал Ораза. Он вспомнил все и молча встал.

– Я все время был рядом с вами, ханзада, – тихо прошептал Ораз.

– Лежал как убитый меж трупами. Теперь надо скорее уходить в степь!

О лошадях даже не думали. Во-первых, достать коней без боя было невозможно, а вступать в бой сейчас было бы безрассудством. Во-вторых, наездников враги заметят сразу и наверняка не упустят. Поэтому, пешие, растворяясь в темноте, долго блуждали они по разрушенному городу, обходя опасные места.

Как ни старался смекалистый Ораз, но все-таки избежать столкновения не удалось. Уже на окраине города, почти в степи,

невесть откуда выскочили трое всадников и пустились прямо на них.
– Уходите незаметно! Прощайте! – с жаром шепнул Ораз и бросился наутек. Джунгары азартно погнались за большой дичью, не заметив юркнувшего за угол птенца.

Дико озираясь по сторонам, спотыкаясь и падая, долго бежал ханзада и наконец вышел в открытую степь.

Вольный ветер степи взбодрил беглеца. Дышалось легко и свободно. Бескрайняя, темная даль таинственно и властно манила к себе и в то же время пугала.

Жукто

Он понял, что остался один на один с Великой степью. Лицом к лицу с суровой жизнью.

Совершенно один. Без отца и матери. Ни с кем и ни с чем. Бедный и голодный в темной ночи.

Ему стало ужасно жутко.

Луна то бесстрастно глядела на него со своей небесной высоты, то стыдливо пряталась за толстыми тучами.

Далекие звезды сверкали ярко и холодно. Они не грели его душу, как прежде.

Он потерял все, абсолютно все. Родных, близких, покой и уют, богатство и почет. Самое страшное – он потерял будущее.

Казалось, все ясно: подрастет ханский сынок, преспокойно сядет на трон отца и будет править страной по справедливости, а то и по своему усмотрению. Лишь бы подрасти – и все готово! Но людям не дано предвидеть превратности судьбы. И вот он, лишенный вмиг всего, стал безымянным бродягой. Отныне он, ханзада Аблай, долго будет блуждать в безбрежном океане жизни человеком без роду и без племени. Называть свое имя и происхождение очень опасно, да и кто поверит ему?!

Ханзада упал ничком и, обняв седую степь, горько зарыдал. Плакал долго, вволю, не стесняясь себя. Его плач случайно могли услышать враги. В любое мгновение из тьмы могла вылететь каленая стрела и оборвать тонкую нить жизни мальчика. Но он не думал об этом. Жизнь для него потеряла всякий смысл. Его раненой душе так хотелось улететь птичкой в небо, мышонком забиться в норку, рыбкой уплыть в океан, зверьком убежать в лес, исчезнуть, раствориться в воздухе.

Но это был не сон. И не сказка. Эта была жестокая жизнь, от которой никуда не убежишь.

– А может, – судорожно подумал он. – Назло всем взять и умереть! Покончить с собой?! Вот вам будет всем, всем... – злорадствовал он, сжимая серебряную рукоять кинжала...

В холодную ночь, окутанный тьмой, лежал Аблай в степи и тяжкие мысли пригвоздили его к ковыльной земле.

«Ну и чего ты добьешься? Кому нужна твоя бесславная, позорная смерть в кустах?! Да и вообще, что за чушь – покончить с собой? Нет, никогда я не убью себя! Я – человек, я ханзада и буду драться за жизнь до последнего вздоха!»

И он остро, ясно осознал, что теперь он должен бороться за все то, что мог иметь легко, по наследству. За свободу, за славу, за трон!

«Но как? Как бороться? Что делать?»

Жестокие вопросы бытия впервые навалились на маленького Аблая и жгли его душу.

Но в первую очередь он должен просто выжить!

Многому учили маленького ханзаду при дворе хана Вали, в славном городе ученых и ремесленников. Под руководством Ораз аталыка и других опытных наставников он изучал религию, философию, языки. Он умел играть на домбре и кобызе, владел оружием, умел общаться и управлять людьми. Но его не учили простому выживанию. Со всеми своими прекрасными знаниями он не мог добывать себе обыкновенную пищу, не мог ориентироваться на местности в темноте, да и днем, не умел развести огонь, найти воду, построить жилище, не умел жить в степи простым кочевником. Все эти уроки теперь собиралась преподнести Ее Величество Жизнь!

«Ох, как тяжело мне! – вздохнул ханзада Аблай. – И никто не может!»

К его счастью, у него были прирожденный ум и отважное сердце.

«Но почему кто-то должен тебе помогать? – поспорил он сам с собой. – Не-е-ет, не надо надеяться на других. Сам, только сам должен помогать себе! Разве великому предку Чингисхану было легко, когда он остался сиротой среди своих гонителей?! Чингисхан с честью выдержал все испытания судьбы, поднялся сам на вершину власти и поднял свой народ! И я поднимусь!»

Ханзада поднялся и направился на север, как сказал Ораз аталык, строго в сторону Темирказыка. Он шел всю ночь, уходя все дальше и дальше от кровавых мест.

Тибель

Днем было опасно идти по открытой степи. Измученный и голодный мальчик спрятался в глубоком овраге, заросшем жусаном и ковылью. И хотя голод и жажда мучили его, он так устал, что вскоре крепко уснул.

Вдруг ханзада проснулся в тревоге.

Вечерело. Далекий, неясный гул надвигался из глубины степи.

Гул нарастал быстро, и вскоре ханзада начал улавливать топот копыт и клич людей.

Из-за бугра выскочила кучка всадников и стремительно пронеслась вдоль оврага. Вначале Аблай с детской наивностью подумал, что это байга или кокпар, и его сердце наполнилось радостью и азартом. Но посмотрев повнимательнее, он понял, что это не байга, а бойня. Довольно солидная группа воинов гналась за одиноким всадником и постепенно настигала его.

Один из самых прытких преследователей почти достал его длинным копьём, но беглец, ловко увернувшись от укола, наотмашь рубанул саблей. Копейщик, скорчившись, слетел с коня.

Через мгновение беглец совсем приблизился к тому месту, где прятался ханзада. Белый тулпар был ранен, залит кровью и, кажется, совсем обессилен. Гонители настигли его и быстро окружили. Беглец резко осадил коня и решительно встретил врагов лицом к лицу.

Преследователи остановились как вкопанные. Это были джунгары. Сверкая огромным алдаспаном, одинокий воин устрашающе гремел по-казахски, сотрясая тихую степь боевым кличем: «Жекпе-жек! Жекпе-жек!»

Джунгарские воины заметались. Видать, им были знакомы мощь и ярость загнанного казахского батыра. Они переглядывались между собой, советовались. Аблай ясно видел и слышал все, ибо они находились на расстоянии броска аркана.

Он весь съезжился, лежал неподвижно, тихо, боясь даже шелохнуться. Как повезло, что травы родной степи укрыли его в этом древнем овраге.

– Ну что, джунгарские удалцы, среди вас нет достойного воина? Или вы не отважные волки хунтайчи Галдан-Церена, а свора жалких псов?! – вызывал батыр.

Вперед выступил джунгарский воин на гнедом жеребце с большим щитом, в полном вооружении. Джунгары кричали, подбадривая шерика. Батыр молча двинулся навстречу. У него не было другого оружия, кроме алдаспана и щита. Наверное, все остальное вооружение сломалось в бою. Колчан был пуст.

Шерик взметнул было свою саблю, но белый конь резко рванул-ся вперед, послышался свист алдаспана и джунгар беззвучно, мягко опустился на ковыльную землю. Ошарашенные враги поникли, никто не уловил взглядом удар батыра. И как бы сговорившись, ринулись толпой на одинокого храбреца. Сеча была молодецкая – сильная, бесшабашная. Удальцы лихо пролетали мимо друг друга, нанося молниеносные разящие удары. Еще несколько врагов пали от руки батыра, но и ему приходилось туго. Опытный боевой конь, делающий точные движения в нужный момент, угадывая замыслы хозяина интуитивно, явно начал сдавать. Истекая кровью, он уже

еле держался на ногах. Не сумевшие поразить самого батыра, искусно отбивающегося щитом и молниеносно рубящего длинной саблей, хитроумные враги беспощадно кромсали безвинное животное. Да и у самого батыра кольчуга была разорвана в клочья, подобно старой тряпке, по всему телу текла кровь. Как стая голодных гиен, кидались джунгарские воины на одинокого раненого льва. Казалось, что он вот-вот рухнет вместе с лошадью, но батыр стоял крепко, на смерть и зарубил еще несколько врагов.

Вдруг весь шум перекрыл чей-то зычный окрик: «Хай-хай-хай!» и все замерли. Никто не заметил появления огромного воина на черном коне. Черная накидка развевалась, придавая ему таинственную, жуткую мощь. Он казался отлитым вместе с конем из черного чугуна. Толстый, длинный айдар, подобно удаву, обвивал его мощную шею, широкий нос, крупные скулы, острые, наглые глаза выражали крутой нрав и отвагу. Сблизившись с воюющими, он заговорил громовым голосом.

– Ну что, луноподобные ойроты, возитесь с этой казахской собачкой? Жду не дождусь, когда вы привезете мне его голову. – Осмотрев место побоища, он присвистнул. – Па! Видать, нарвались на казахского батыра! Ох, как мне повезло! До смерти люблю я сворачивать шеи этим бродячим скотникам и отрывать... отрывать их бесконечно глупые головешки! Ха-ха-ха!

Джунгары хором загоготали: вскидывая копыта вверх, чествовали своего предводителя. Окровавленный казахский батыр, окруженный джунгарскими воинами, гордо произнес:

– Ты бы лучше подумал о своей косматой грязной голове! Вовеки тебе не смыть с нее кровь невинных жертв! И проклятие народа вобьет ее в землю!

– Хай-хай-хай! – закричал предводитель страшным голосом. – Сейчас посмотрим, чья голова покатится по ковыльной степи!

Он прогарцевал, делая круги перед воинами, и взвинчивался, наполняясь гневом и ненавистью. Его закаленное степным ветром и знойным солнцем дубленое лицо стало еще темнее, раскосые глаза налились кровью. Странно, но его черный конь тоже начал беситься, бил огромными копытами землю, тараща глаза, грыз удила, стараясь сорвать уздечку. Наконец, они взорвались как вулкан: совершив стремительный рывок, джунгар заорал на всю степь:

– Хай-хай-хай! Поединок! Я, Чарыш нойон, великий воитель гордых ойротов, племянник солнцеподобного хунтайчи Галдан-Церена, вызываю тебя, казахского батыра, на смертельный честный бой! Если ты победишь меня, клянусь, мои воины отпустят тебя на все четыре стороны!

Джунгары расступились, освободив место для боя.

Аблаи чуть не присвистнул. Так это и есть сам Чарыш ноян!

– Ничего не скажешь, соблюдает закон чести степных героев! – подумал ханзада. – Но его честность относительна. Разве полный сил ноян и израненный батыр на измученном тулпаре в равных условиях?!

Но батыр принял вызов с достоинством. С возгласом: «Аруах! Аруах!» он пришпорил коня. Измученный белый тулпар каким-то недоступным разуму чудом, почуяв решительный бой, встрепенулся, изменился на глазах. Это был настоящий боевой конь, крылья джигита, готовый на подвиг.

С яростным криком, с дикой необузданной страстью и силой набросились друг на друга два совершенно незнакомых человека из разных стран. Первая же их встреча в этом брэнном мире, где все люди должны, обязаны быть братьями, несла смерть и горе. Не было у них личного счета, они принадлежали к разным народам и должны были сидеть у костра и мирно делиться едой и добрым словом, украшая мир добротой, живя в дружбе и во взаимоуважении. Какие это были бы великие друзья! Нет, они жаждали крови, и причиной всему было желание одних господствовать над другими. И казах был тысячу раз прав, потому что он защищал свою Родину, свою свободу, честь и независимость. А джунгар был тысячу раз неправ, ибо он хотел завоевать чужую землю, поработить другой народ.

Но воины, не задумываясь об этом, наносили друг другу молниеносные яростные удары острыми клинками. Отбиваясь щитами, они показали всем, что достойны друг друга. Иногда казалось Аблаю, что они вот-вот убьют друг друга, и тогда он закрывал глаза. Его детская душа возмущалась, противилась, не воспринимала кровопролития, но реальный мир диктовал свои жестокие условия. Ему хотелось выскочить из оврага и драться с джунгарами, помочь одинокому батыру, но какая-то неведомая сила давила на него, не давая сдвинуться с места. Он осознавал, что его время еще не пришло. Ему оставалось лишь молча наблюдать и запоминать.

Солнце уже заходило в свое гнездо. Красный закат казался зловещим, небо давило необъяснимой жутью. Чарыш ноян, поняв, что саблей ему не одолеть противника, взял длинное копьё и на полном скаку вонзил его в грудь белого тулпара. благородное животное пошатнулось, тихо заржало и рухнуло замертво. Батыр только успел вскочить на ноги, и тут Чарыш нанес ему сокрушительный удар копьём в грудь и пробил насквозь. Огромным усилием батыр устоял на ногах, но в следующий миг потерял сознание и повис на копьё.

Под ликующие возгласы своих воинов окрыленный Чарыш ноян, сидя верхом на коне, поднял окровавленного батыра на копьё высоко над головой.

– Хай, хай, хай! – восклицал он. Джунгарские воины дружно скандировали: – Эй, батыр казах, как ты там, а?!

Саркастический вопрос нояна вызвал громкий хохот. И вдруг батыр открыл глаза. И произнес хрипло, но отчетливо:

– Проклятая джунгарская собака! А я все-таки выше тебя!

И замер. Все обомлели. Чарыш ноян досадно покачал косматой головой и осторожно опустил тело погибшего на землю.

– Похороните его! Он достоин уважения! – сказал он глухим голосом.

Полсотни воинов быстро похоронили своих и отдельно – казахского батыра, предварительно разобрав все пригодные вещи. Алдаспан забрал сам Чарыш ноян.

Аблай тихо плакал в овраге. Когда джунгары скрылись за горизонтом и наступила ночь, он вышел из своего укрытия и подошел к могиле.

Прочитав молитву, долго сидел ханзада у могилы неизвестного батыра. Потрясенная детская душа переживала глубокие, доселе неизвестные чувства. В ней происходило что-то сверхважное.

Свет ясной луны щедро разливался по степи, редкое белое облако медленно уплывало вдаль, ввысь, и Аблаю казалось, что это душа батыра. Он чувствовал свое родство с ним. Сердце его переполнилось, он воздел обе руки к небесам и твердо произнес:

– Я, Аблай, сын Вали хана, клянусь никогда никого и ничего не бояться, бороться за свободу и счастье своего народа, не щадя сил и своей жизни! Аминь! Аллах акбар!

Он провел обеими ладонями по лицу. Затем решительно поднялся и твердо зашагал навстречу опасностям и приключениям, навстречу своей судьбе.

Аталык

Квечеру второго дня в степи ханзада почувствовал, что кто-то крадучись, неотступно следит за ним. Нет, ни малейшего шороха не было слышно, но ханзада нутром улавливал чей-то пронизывающий взгляд. «Быть храбрым мало, – вспоминал он наставления Ораз аталыка. – Надо быть хитрым!» Поэтому внешне он оставался спокойным и шел как прежде.

Солнце село. В сумерках степные силуэты преобразались, становились многозначными. Даже прошлогодние перекаати-поле,

зацепившиеся за травы, иногда казались то грозными врагами, то хищными зверями.

Вдруг один из них действительно ожил, и, зарывав, выскочил перед мальчиком. Это было огромное, покрытое шерстью лохматое существо. «Жезтырнак или жалмауыз?!» – промелькнул жуткий вопрос в сознании. Аблай молниеносно вырвал кинжал из ножен и приготовился к бою. Крепко сжимая рукоять кинжала, он зорко следил за противником. Грозно рыча, существо пружинисто кружилось вокруг него. Оно, кажется, почувствовало его решительность. Ханзада тоже осознавал свирепость и бесстрашие чудовища.

Два божьих создания, не знакомых доселе, встретившись в бескрайней степи, не могли разойтись мирно и сразу же решали вопрос жизни и смерти. Возшедший месяц слабо освещал двух непримиримых существ, почему-то не могущих ужиться в необъятном подлунном мире.

Существо в полутемноте долго кружилось вокруг ханзады и, не смея идти прямо на булатный кинжал, потихоньку начало удаляться. Наконец оно исчезло из виду, как будто растворилось в темноте.

Аблай облегченно вздохнул и вложил кинжал в ножны. Но не мог успокоиться, потому что это было только начало. Чудовище не могло оставить его в покое и наверняка хочет застать врасплох. Аблай решил идти дальше, остерегаясь каждого куста, каждого шороха.

Он шел недолго. На пути лежал невысокий холм.

Он решил устроиться на ночлег на этом холме. Отсюда был хороший обзор, да и подойти к нему незаметным было невозможно. Только надо быть очень бдительным.

Изнуренный голодом и потрясениями последних событий, Аблай невольно заснул. Вдруг он вздрогнул и проснулся. Над ним стояло огромное чудовище. Аблай вскочил, вырвал кинжал и только собирался взмахнуть им, как таинственное существо заговорило знакомым голосом.

– Эй, айналайын! Прежде чем нанести удар, посмотри, кого бьешь!

Это был Ораз аталык!

Радости ханзады не было предела! Они крепко обнялись.

– Я уже оплакивал вас! – наконец тихо произнес Аблай, когда пришел в себя.

– Значит, долго буду жить! – громко засмеялся Ораз аталык.

– Так это чудовище... жезтырнак... жалмауыз... были вы?

– Да! Я хотел посмотреть на тебя, испытать... закалило тебя это лихое время или нет?

– Ну и как? – не без иронии спросил Аблай.

– Неплохо, неплохо! Для начала совсем даже хорошо! Сразу видно – школа! – в тон Аблаю бахвалился аталык и начал воодушевленно рассказывать свою историю. – Ох, видели бы вы, как я надул этих зайсанов! А все дело в том, что земля-то наша, родная! Нам и помогает! И вот я бегу от них, знаю каждый уголок, каждый двор, прячусь где угодно. А они не знают путь и скачут вслепую. До полуночи водил я их по закоулкам, по развалинам, измотал совсем. А под конец по одному перебил всех!

В свою очередь ханзада вздохнул и рассказал о своих приключениях, утаив лишь свою клятву. Это цель и смысл его жизни, и об этом, кроме Всевышнего, никто не должен знать. Ораз аталык жадно ловил каждое слово своего господина и радостно удивлялся перемене в его интонации. Оживленно беседуя, они перекусили последней горстью курта, залежавшегося в кармане аталыка, и двинулись в путь. Им предстояли еще долгие скитания в бескрайней степи в это смутное время, подобно одинокому парусу, затерявшемуся в бушующем океане.

Лохматый

Прошло несколько лет. Ханзада Аблай и Ораз аталык бродили по степи, прячась от джунгар, завоевавших немалую часть казахской земли. Беглецы находили временный приют в разрозненных аулах. Закон степей – гостеприимство кочевников – спасал их от голодной смерти. Пережив таким образом несколько тягостных лет, они пришли к верховному бию Большого Жуза Толе. Толе би принял их. Аблай скрыл свое имя и происхождение, потому что этот казахский край был под гнетом джунгарских захватчиков. И он назвал себя Сабалак, что означало дословно «лохматый».

И пасли они тихо-мирно, незаметно ни для кого, верблюдов Толе би.

Проницательный би с первого взгляда заметил необычность «лохматого».

После некоторых наблюдений он приехал в полевой стан и сказал юнцу:

– Ты, Сабалак, не простой человек, чует мое сердце! И по облику, и по поведению видно, что ты принадлежишь к знатному роду торе.

Если джунгары заметят тебя, а здесь это вполне вероятно, то не оставят в покое. Я опасаясь за твою жизнь! Лучше тебе уйти в свободную от джунгар Сарыарку!

И благословил Толе би Аблая, подарил двух коней и отправил вместе с Оразом в Сарыарку.

В Сарыарке он стал табунщиком Даулеткельды бая из аргынского рода атыгай-караул. Жили они тихо-мирно, пасли лошадей и вольно скакали по широким просторам, разучивая и совершенствуя навыки боевого искусства.

А Даулеткельды бай с первых же дней почувствовал особенность молодого Сабалака, дал ему волю и потихоньку стал пристально наблюдать за ним.

И через недолгое время он сказал жене:

– Этот юный табунщик не простой человек! Он всегда спокоен: не смеется беспечно, не раздражается, не обращает внимания на мелкие бытовые дразги. Он всегда задумчив. И хоть шесть дней и шесть ночей будет голодным, не подаст и виду! Не сядет на голую землю. Если ничего подходящего не найдет, то снимает верхнюю одежду, подстилает на землю и садится на нее! Самое главное, когда он спит, над ним что-то светится и около него становится светло! Ты будь с ним повежливее! Как бы ненароком не прогневить духов, поддерживающих его!

И они уважительно относились к Сабалаку-Аблаю и Оразу, кормили и одевали хорошо.

Так проходили годы. Аблай вырос, и ему исполнилось девятнадцать лет.

Честина

Однажды у табунщиков остановился вольный певец великой степи Бухар жырау. Он был один. Его одежда и сбруя его коня были скромные, но добротные.

Табунщики встретили его с большой радостью. Усадив на почетное место, они с превеликим уважением угощали носителя древних традиций кочевых узанов вареным мясом и кумысом. «Странно, – подумал Аблай. – Сколько раз приезжали знатные султаны, знаменитые бии, но никому так не радовались табунщики!»

Говорил жырау приятным, мелодичным голосом и часто стихами. Даже его простая речь лилась как песня и голос менялся в зависимости от сказанного. В каждое слово он вкладывал частицу своей души и, произнося звучно, значимо, завораживал слушателей. То уносил

он всех в глубь истории, то его мысли высоко парили в небесах и слушатели невольно устремляли свой внутренний взгляд к космическим тайнствам небес, то тревожно вглядывался в даль будущего.

– Сколько ханов я видел, сколько султанов я встречал на своем веку! Видел джунгаров, урусов и шуршутов. Разные люди, многие достойны уважения, немало и подонков. Но у всех почти одна жажда, одно неумное желание – власть, слава и богатство! Им мало своего! Им надо охватить всю землю, захватить все богатства, завоевать весь мир! Зачем это? Во имя чего? Разве это и есть смысл жизни человеческой? Лучше жил бы себе каждый на своей земле и улучшал свою долю! Мой разум никак не понимает, почему люди уничтожают друг друга? И как бы ни объясняли это ученые мужи, моя душа не воспринимает и никогда не воспримет этого! Мне противно все это! Если люди будут беспощадно уничтожать друг друга, раздирать бедную землю, то не разорвется ли она? Не потонет ли окровавленная луна в небытии, не померкнет ли солнце? И что тогда будет с моим народом, что будет с миром?!

Жырау печально умолк. Он ушел в себя, а может, улетел мыслями куда-то. Одухотворенные, взволнованные и утомленные долгими душевными беседами великого поэта, табунщики потихоньку разо-

шлись. Только Аблай не тронулся со своего места. Молодому ханзаде были так близки мудрые слова жырау, что они запали глубоко в его душу.

– Что тебе надобно, айналайын? – вдруг спросил Бухар жырау.

– Мне хочется услышать завершение ваших слов! – спокойно ответил Аблай.

Жырау встрепенулся.

– О, любознательный джигит, ты будешь большим человеком, коль ждешь завершения начатого слова! Не каждый способен выслушивать, тем более дослушивать витиеватые мудреные изречения аксакалов!

Ему понравился этот необычный молодец.

– Порою мне хочется взобраться на вершину самой высокой горы и кричать на весь мир: «О, люди! Не приходите в чужую страну с оружием, не убивайте друг друга! Не проливайте ни капли крови ради власти, богатства и славы! Не поработайте другие народы! Живите мирно и счастливо на своей родной земле! Солнца и земли хватит всем! – Бухар жырау понизил голос. – И я тешу себя надеждой, что если это услышат народы, то поймут и прекратят все войны и раздоры и воцарятся покой и счастье на несчастной земле! А что... Наивно?!

– Просто и мудро! – воскликнул молодой Аблай.

– Да, айналайын... Нет истины лучше этой... Но вся беда в том, что издревле все об этом знают и делают наоборот! Всевышний дал всем народам свою землю, свой язык и указал жить свободно и соревноваться только в добрых делах!

Правдивая и поэтическая речь Бухар жырау глубоко запала в юную душу Аблая. И после прощания с ним еще долго звучал в его ушах приятный голос мудреца.

– Если жырау молчит, значит, он задумался, а если врет – то он мертв!

– Настоящий человек должен быть всегда готовым сражаться и умереть за свой народ. Но это тоже надо делать с умом!

– Настоящая свобода начинается с уважения свободы других!

– Раб не свободен, это ясно. Но господин тоже не свободен от своего раба – оба они прикованы друг к другу одной цепью!

– Человек свободен... Но он не свободен оскорблять, унижать, уничтожать других!

– Когда человек живет во имя своего народа, то он становится великим!

Эти и еще многие другие слова Бухар жырау Аблай запомнил на всю жизнь.

Айтман

В следующем году до них дошла весть о том, что Абилямбет хан собирается на освободительную войну с джунгарами и воины со всей казахской степи собираются под его знамя. Аблай-Сабалак пришел к Даулеткельды баю и стал просить его разрешения идти в поход.

– Сынок, тебе всего двадцать лет, разве не лучше тихо пасти лошадей и есть мясо, пить кумыс в уютной юрте, чем идти на кровавую бойню? – сказал испытующе мудрый бай.

– Лучше умереть джигиту, чем остаться в стороне от развевающегося боевого знамени, от сотрясающей землю конницы!

Даулеткельды бай благословил его на ратный подвиг.

Лавина

Два войска грозно надвигались навстречу друг другу, как черные тучи, извергающие гром и молнию. Лучшие сыновья двух братских народов шли убивать друг друга. Блестели шлемы и кольчуги, сверкали копья и сабли. Люди кричали, лошади ржали... Пыль от сотен тысяч копыт, взмывая ввысь, закрывала небо и солнце.

Одна война имела разные понятия. Джунгарские нойоны, зайсаны и шерики шли завоевывать казахские земли, уничтожить и покорить казахский народ. Они были захватчиками, несущими смерть и разорение. А казахские ханы, бии, сардары, батыры и сарбазы защищали свою страну, родную землю, свободу и жизнь. Смысл и цель казахов были несравненно выше, справедливее и благороднее, поэтому они были сильнее духом и готовы были стоять насмерть и победить. Небо покровительствовало им, земля поддерживала их.

Две армии закаленных воинов готовы были навалиться друг на друга, смешиваясь в кровавый клубок.

– Стойте!

Резкий окрик Богембай батыра, главного полководца казахов, прогремел до самого горизонта и остановил обе лавины разъяренных львов.

Боевые знамена родов заколыхались с новой силой, и яростный крик казахской и джунгарской армий сотрясал степь.

– Жекпе-жек!

– Поединок!

– Жекпе-жек! Поединок!

Первым выступил вперед джунгар на высоком, черном, белолобом коне. Вместе с конем он казался неприступной черной скалой. Его огромные, мощные мускулы аж распирали стальную кольчугу, готовые в любой миг разорвать ее. Большая голова в шлеме напоминала перевернутый черный казан. Раскосые глаза, величиной с детскую ладонь, горели каким-то особенным, обжигающим огнем. Длинный, толстый айдар, как аркан из конского хвоста, свешивался на широченные плечи, подчеркивая мощь и уверенность воина.

Глядя на эту громадину, казахи затаили дыхание.

Джунгарский богатырь играючи вращал длинное смертоносное копьё, выкрикивая боевой клич и издевательства.

– Хай, хай, хай! Казахи! Вы возомнили себя равными нам?! Это ваша большая и последняя ошибка! Или вы будете жить под нашим знаменем, стоя на коленях, или мы вас уничтожим всех! Ха-ха-ха!

Бешеный хохот сотрясал степь. Он гарцевал на черном коне, совершая круги перед войском. Широкий нос раздувался, как горн, при каждом вздохе, наводя дикий ужас.

Казахские воины содрогались от его смеха и кипели от ярости. В их рядах было немало могучих, выдавших виды батыров. Но никто пока не осмеливался выйти один на один с этим чудовищем. Он был единым целым со своим конем и казался отлитым из чугуна.

Аблай сразу узнал его. Это был сам Чарыш! Это имя уже несколько лет гремело в степи, наводя ужас на мирные аулы. О силе и удали Чарыша ходили легенды. Он был непобедим в поединках и беспощаден и убил многих могучих героев.

Пожилой полководец Богембай батыр из рода канжыгалы покачал головой и собрался выйти на бой. Но его удержал Абилямбет хан.

– Сардар, вам нельзя на поединок! Вы наш главный полководец и должны до конца сражения управлять войском!

Вперед вышел молодой воин. По рядам войска прошел шепот, полный ужаса и почтения: «Алгадай! Смертник алгадай!» Он должен был как можно дольше продержаться и разгадать для других воинов основные приемы боя противника-силача.

Молодой воин-смертник не спеша направился к огромному джунгару. Он был в легкой кольчуге, на быстром скакуне. Чарыш грозно надвинулся на него и начал наносить смертоносные, изощренные удары копьём. Но алгадай был хитер и искушен в боевых делах, он не принял открытой лобовой атаки, а ловко увертывался и избегал ударов. И конь его, под стать хозяину, умело маневрировал, уводя алгадаю от жесточайших, быстрых ударов острого калмыцкого копья. Чарыш разогрелся и начал азартно и мастерски преследо-

вать его и наконец все-таки добился своего – алгадай вскоре, уклоняясь и отбивая удар копьём, пропустил удар длинной саблей прямо в голову. Он упал с коня замертво, но зорко следившие за поединком батыры отметили основные приемы Чарыша копьём и саблей.

Целючительная метаморфоза

После этого Аблай больше не мог сдержать себя и рванулся вперед.

Подъехал к Богембай батыру и попросил благословения.

– Сынок, ты же еще совсем юнец! – воскликнул Богембай батыр.

– Бата, бата! Благословите меня! – вознес руки к небесам Аблай.

Богембай батыр, увидев его решимость, каким-то необъяснимым образом почувствовал силу его духа и благословил на победу.

– Иа, Аллах! Во имя справедливости, ради спасения родной земли и освобождения нашего народа мы вступаем в эту битву! Помоги нашему джигиту, дай ему силы и победу! Сынок, да поддержат тебя Аллах и благословенные Всевышним великие духи наших предков! Аминь!

– Аминь! – повторили Аблай и вся армия.

Легендарный Богембай батыр отдал ему свою острую саблю и посадил на своего боевого тулпара Наркызыла.

И Аблай отправился на самую решающую схватку в своей судьбе.

Чарыш ноян круто повернул черного коня и встретил Аблая в полной боевой готовности. Испытывающим, пронзительным взглядом сверлил он джигита, желая расплавить его огнем своих налитых кровью глазниц. Но Аблай был невозмутим: он, отражая этот страшный взгляд, возвращал его владельцу с удвоенной силой.

Чарыш невольно вздрогнул.

– Эй! Разве казахи дошли до того, что отправляют на погибель мальчугана? Неужели они думают, что я, победоносный Чарыш нойон, опущусь до того, что буду биться с юным отроком? Пока я добр, катись-ка ты к своим родителям! Поучись у своего муллы! Может, придешь, когда подрастешь, а?!

От ярости Аблай не мог говорить. Он приготовился к бою.

– Ладно, – покачал головой Чарыш. – Сверну я тебе шею как куропатке!

Дальше Аблай смутно помнил себя. Он бросился на грозного джунгарского богатыря и клич «Аблай! Аблай!» невольно сорвался с его уст. Какая-то неведомая сила наполнила его грудь, по спи-

не пробежала волнообразная, неописуемо горячая мощь и подняла вверх. Первый страшный удар Чарыша копьём он успел отбить щитом, и тут же Наркызыл рванулся вперед, и Аблай, все еще крича свой клич, нанес резкий удар саблей славного Богембай батыра по шее нояна. Два боевых коня разминулись, и пока Аблай поворачивал коня назад, до него донесся победоносный мощный крик многотысячного казахского войска: «Аруах! Аруах! Аблай! Аблай!»

И только тогда он увидел, что тело мертвого Чарыша сползает с коня, а голова катится по ковыльной многострадальной степи. Не останавливаясь, на полном скаку он повернул коня в сторону джунгарской армии и с криком «Аблай! Аблай!» повел за собой казахских воинов. Вся степь, все четыре стороны света, небо и земля гремяли: «Аблай! Аблай! Аблай!» Духи великих предков всех казахов словно воспряли сегодня, воплотились в едином имени! Как раскаты грома, сотрясая мир, как блики молний, озаряя души, врезаясь в сознание людей, становилось это новое имя «Аблай!» ураном всего народа, священным словом.

Могучие джунгары сникли, они пытались кричать свои боевые

кличи, их грудь клокотала, но не могли они вымолвить ни слова. Как накаты бушующих волн, уран «Аблай!» потопил, смыл их. И неслись казахские джигиты как на крыльях, а впереди летел Аблай, и смели они полчища врагов...

После победы призвали к себе Аблая Абилямбет хан, бии и батыры.

– Айналайын, кто ты? – спросил Абилямбет хан. – Почему ты воевал с именем Аблая на устах?

– Я сын Вали хана Прекрасного! А моим дедом является Аблай, прозванный в народе кровавым за непобедимость в поединках и беспощадность в ратных делах! И я кричал его имя, призывая его дух на помощь! – ответил Аблай и вкратце рассказал свою историю.

Видавшие виды аксакалы и главы родов были тронуты его правдивой речью. И молвил Абилямбет хан после молчаливого размышления:

– Слышал я, что младший сын Прекрасного Вали хана остался жив и пропал без вести! Но, как говорят казахи, стальной кинжал не будет лежать на дне мешка! И вот настал час, когда достойный потомок благородных ханов Аблай засверкал на всю степь во всей красе и величии! Благословите его, аксакалы, и мы избирем его ханом!

И вся знать, собравшаяся на этой войне, единодушно благословила Аблая и подняла на белом войлоке ханом.

Так началась героическая и легендарная эпоха хана Аблая. Ему исполнилось только двадцать лет, и его орда была основана на севере, в прекрасном Кокшетау, жемчужине Казахской степи.

Жэлбе

Хунтайчи Галдан-Церен молча сидел на холме, обратив тяжелый взор в бескрайнюю степь. Дул непрерывный ветер и ковыльные волны уводили мрачные мысли владыки за горизонт. Вот уже несколько лет он с болью переносил гибель великого воина Чарыша, любимого племянника – сына своей старшей сестры.

– Я до сих пор не могу поверить, что его убили в поединке, – произнес хунтайчи снова с болью. – Нет, никто не должен был победить Чарыша в честном бою! Он владел всеми приемами боя монголов и калмыков, он изучил и освоил всю технику владения оружием древних ойротов и китайцев!

Чуть склонив голову в почтении, Жэлбе нойон в который раз пересказывал ему те страшные события и каждый раз испытывал острую горечь потери и новый прилив гнева.

– Чарыш нойон зарубил несколько казахских батыров в поединке... И тут появился этот Аблай. Мы даже толком не поняли, что происходит. Боевой клич «Аблай!» наполнил землю и небо. Наши кони задрожали и хотели бежать. Мы с трудом держались в боевом порядке. Никто и никогда так смело, прямо не шел на Чарыша. Он ударил как буря... И солнце джунгаров погасло! Пал Чарыш!

Галдан-Церен слушал молча, нахмутив брови.

– Этот Аблай, хоть и рослый, хорошо сложенный батыр, по сравнению с великим Чарышем казался малышом. Да и по физической мощи, и по технике владения оружием он не мог соперничать с Чарышем!

– Но тогда почему он победил? Как?

– В это трудно поверить, о великий хунтайчи! Но это не простой человек! Это аруах! Как будто его поддерживают духи древних предков, возвышают над всеми! После той победы казахи подняли его на белом войлоке своим ханом! И во главе своей орды, несмотря на свою молодость, он совершил немало победоносных походов, освободил многие казахские земли от нашего подданства и добился славы и уважения всей степи! О подвигах его воинов ходят легенды!

– Слышал, – сухо сказал Галдан-Церен. – Знаю также, что он ведет переговоры и с урусутами, и с шуршутами. Значит, хитер и умен! И опасен для нас! А такому не надо позволить достичь всех своих целей! Я же вам давным-давно велел доставить его в нашу орду!

– Вот уже больше десяти лет мы охотимся за ним, но подобраться к нему нелегко! Даже тогда, когда кажется, что он вот-вот попадет

в нашу западню, каким-то чудом ускользает в последний миг! Духи его оберегают, о великий хунтайчи!

Галдан-Церен осуждающе бросил острый взгляд на Жэлбе нойона и отрезал:

– Хорошо! Если не удастся его выкрасть, то захватим силой! Возьми тридцатитысячную армию и процеди всю степь. И если этот Аблай хан еще существует на земле и находится под Солнцем, приведи его мне! Живого! Пленником!

Аблай-невольник

Аблай хан охотился в горах Улытау вместе с Жабек батыром из рода аргын и Утеген батыром из рода уак. Азартная охота утомила их, и, наевшись до отвала мяса добытых уларов, они заснули крепким богатырским сном.

И тут их нашли воины хунтайчи, заранее осведомленные своими лазутчиками о планах Аблая.

Жэлбе ноян ткнул острием копья в грудь спящего Аблай хана. Хан открыл глаза и молча посмотрел на джунгарских шериков.

Он все понял...

Одиночество. Воспоминания

Когда долетела весть о пленении Аблая, в орде хунтайчи всполошились. Все с нетерпением ждали легендарного хана казахов и своего заклятого врага. И пошли слухи и домыслы, как с ним поступит хунтайчи – отрубит голову сразу или подержит пленником, поиздевается, а затем живьем привяжет к хвосту строптивного скакуна и пустит в сторону казахской степи, дабы впоследствии обвинения в убийстве хана пали на легкомысленную лошадь.

На приведенных пленных Аблай хана и его верных друзей – батыров Жабека и Утегена – все глазели с изумлением. Пленники держались с достоинством. Даже долгая мучительная дорога и унижительный удел пленника не могли скрыть благородный облик и величественную осанку хана. Джунгары, особенно женщины, сре-

ди которых была и юная красавица Топыш, любимая воинственная дочь хунтайчи, несмотря на всю неприязнь, про себя отмечали какую-то таинственную особенность, одухотворенность этого человека.

Только хунтайчи Галдан-Церен и несколько его особо приближенных нойонов не удостоили вниманием пленников. Хунтайчи велел пленных батыров заковать в кандалы и отправить пасти баранов под наблюдением шериков. А на хана было особое указание.

– Заточите его в темницу и продержите там семь дней и семь ночей. Не давайте ему ни есть, ни пить. А затем подайте чашу с водой. В воду бросьте кусок бараньего жира. Внимательно следите за ним, – наказал своим шерикам хунтайчи Галдан-Церен, – и доложите мне обо всем, что увидите!

Так и поступили джунгары. Они бросили в темницу охапку сена и большую кошму, завели туда Аблай хана, развязали ему руки и оставили одного.

И потянулись мучительно долгие дни и ночи. Аблай лежал неподвижно, закрыв глаза.

Его мучило то, что его, хана, пленили в своем же ханстве и вывезли в чужую страну. «О, наша славная казахская беспечность! – кусал локти Аблай. – Если выйду отсюда живым, то на всю жизнь запомню этот горький урок!»

Временами он улетал в мир воспоминаний и видений, и это его спасало.

Перед его глазами проходили самые яркие мгновения его славной, молодой, полной приключений жизни. Он вспоминал о мудрых словах степных биев и подвигах великих воинов, и эти видения придавали ему силу. Он начал медленно ослабевать, истощаться телесно, но внутренний огонь его души неугасимо горел, и очи хана искрились, выражая непоколебимую решимость и отвагу.

Ему вспоминались те события, в которых он сам участвовал, а также приключения батыров, о которых он услышал из уст сказителей-жыршы.

Однажды в бою с джунгарами разгоряченный хан увлекся атакой и оторвался от своих батыров. И в разгар боя пал боевой конь Аблая. Свиристый воин-торгаут на полном скаку ударил ханского коня в бок копьём, и благородное животное, не издав ни звука, замертво рухнуло в ковыльную землю. Хан быстро вскочил на ноги и увидел, что остался один в окружении довольно крупного отряда торгоутов и дурбутов. Джунгары начали плотно сжимать кольцо, и их сабли уже со свистом сверкали над головой. Легендарный хан решил встретить смерть с подобающим ему достоинством и приготовился к схватке. Как молния блеснуло в сознании горькое сожаление о том,

что он еще не сумел, не успел сделать многие великие дела для своего народа! И стиснул зубы от досады и ярости.

Вдруг как вихрь прилетел всадник на синем коне с криком: «Алди-яр, аттан!» и, спрыгнув на землю, подал Аблаю повод уздечки. Это был молодой, горячий воин. «Скачите скорее!» – взмолил он хана. «А как же ты?» – спросил хан. «Казахам нужен такой хан, как ты! А если погибну я, родятся еще батыры!» – «Нет! Я не оставлю тебя!» – сказал решительно хан. «Послушайте, какой смысл, если мы погибнем оба вместе?! Уходите, или я сам зарублю вас, чтобы вы не достались джунгарам!» И грозно сверкнув глазами, батыр почти насильно посадил Аблая на своего коня и стегнул кнутом. Синий конь понесся ураганом, разрезая ряды джунгар. Он вынес с поля боя живым и невредимым надежду казахов.

После боя хан Аблай велел своим приближенным разыскать отважного батыра, разузнать о нем. Оказывается, это был Ер Жанибек батыр, из рода керей. И ему удалось выйти живым из той кровавой бойни, перебив множество врагов, ускакать на их же коне! Хан Аблай поблагодарил героя, и воспоминание о славном подвиге Жанибек батыра, готового пожертвовать собственной жизнью за своего хана, то есть за родную страну, всегда радовало его сердце и придавало уверенность и силу! Рассказывали, что однажды Жанибек в отрочестве заснул на холме и искавший его нагашы – дядя, брат матери, увидел издали, что около него возятся два синегривых волка! Дядя прискакал поскорее к нему, а волков и в помине нет! Никаких следов, а Жанибек спит себе спокойно! Прозорливый дядя неожиданно почувствовал, что это духи волков-тотемов, которые избрали и вселились в Жанибек батыра! И действительно, керей Ер Жанибек батыр был бесстрашен и грозен, как волк, и всегда чувствовалось, что духи синегривых волков поддерживают его в ратных делах и в жизни! Однажды отважный джунгарский нойон перед боем вышел вперед и начал вызывать на поединок казахских батыров. Нойон был великолепен и силен и бушевал, как гривастый буря! И тут вышел на поединок керей Ер Жанибек батыр. О, чудо, джунгарский герой как-то сник, был подавлен одним только видом Ер Жанибека и убежал к своим. И они ушли без боя, признав свое поражение. Спрашивают джунгары своего нойона: «Что случилось?» – «А вот что... Смотрю на него, а у него на плечах сидят два свирепых синегривых волка и, оскалив острые стальные клыки, сверкая огненными глазищами, буквально просверливают, прожигают мое нутро взглядами! Страх, ужас обуяли мою душу и я был повержен без боя!»

Аблай лежал на кошме в джунгарской темнице, а его вольные мысли носились в мире преданий и легенд. Он живо представлял себе подвиг Кастек батыра. Кастек, четырнадцатилетний юноша, вместе

с сородичем пас коней и сидел на высоком холме, то и дело всматриваясь в степь. Время военное, и поэтому он выполнял заодно роль караульного. Внезапно из-за овальной сопки появилось растянувшееся как облако большое войско. Передовой отряд джунгар шел прямо на них. Кастек незаметно отправил младшего собрата в аул, чтобы предупредить старших о надвигающейся опасности, а сам сел на своего гнедого тая и не спеша поехал навстречу целой армии. Дело в том, если бы он тоже начал убегать, то джунгары погнались бы за ним, застали бы аул врасплох и вырезали бы весь род. И Кастек решил задержать их, чтобы дать время своим сородичам уйти в степь и раствориться в ней. Как только приблизился к шерикам хунтайчи, он начал гарцевать на своем гнедом тае и, взмахивая маленькой кривой саблей, выкрикивать:

– Жекпе-жек! Жекпе-жек! Нойоны! Зайсаны! Выходите на поединок!

Джунгары остановились. Подтянулось и основное войско. Они были очень сильно удивлены. Мальчуган на тае, с маленькой саблей, без кольчуги, без копья, бросает вызов видавшим виды закаленным потомкам великих ойротов! Они замешкались, то испытующе, то посмеиваясь смотрели на мальчугана, то вопросительно друг на друга – как быть?! А ему нипочем вооруженный до зубов, прослав-

ленный в жарких боях тумен! Взмахивает своей маленькой саблей и орет: «Жекпе-жек!» Наконец-то полководец-нойон удостоил его вопросом:

– Кто ты, мальчуган? И что тебе надобно?

– Я Кастек батыр из рода шапырашты! – твердо ответил мальчик. – И мне нужно, чтобы вы покинули нашу степь с миром и вернулись в свои улусы!

Нойон громко засмеялся. Хохотал и весь тумен!

– Ишь ты, хватанул! А если мы послушаемся тебя, тогда что?

– Тогда выходи на смертный поединок!

Нойон вздохнул и, покачав головой, тихо молвил:

– Послушай, мальчик, я не хочу твоей крови! Уйди с нашей дороги, вернись домой! Тебе надо еще пожить, жениться...

– О каком доме говоришь, нойон? Вы пришли разрушить мой очаг, сжечь мою юрту! А я не позволю вам это сделать! Уходи или выходи на честный бой!

Джунгары начали злиться и уже готовы были растерзать заносчивого забияку. Но нойон, подняв руки, остановил их.

– Ты храбрый воин! И я окажу тебе честь – с тобой буду биться во всю мощь, как с достойным героем!

И сошлись они в смертельной схватке – четырнадцатилетний мальчик Кастек с маленькой саблей на гнедом тае и мощный нойон, в доспехах, во всеоружии и на крупном скакуне. Громогласно выкрикивая боевой клич, нойон с одного удара длинного копья насквозь проткнул мальчонку и поднял его над головой. Тумен возликовал, оценив боевое мастерство своего предводителя. Кастек безжизненно повис на калмыцком копье, обливаясь кровью. Острие копья торчало из его спины.

– Эй, мальчик, как ты там? – спросил нойон.

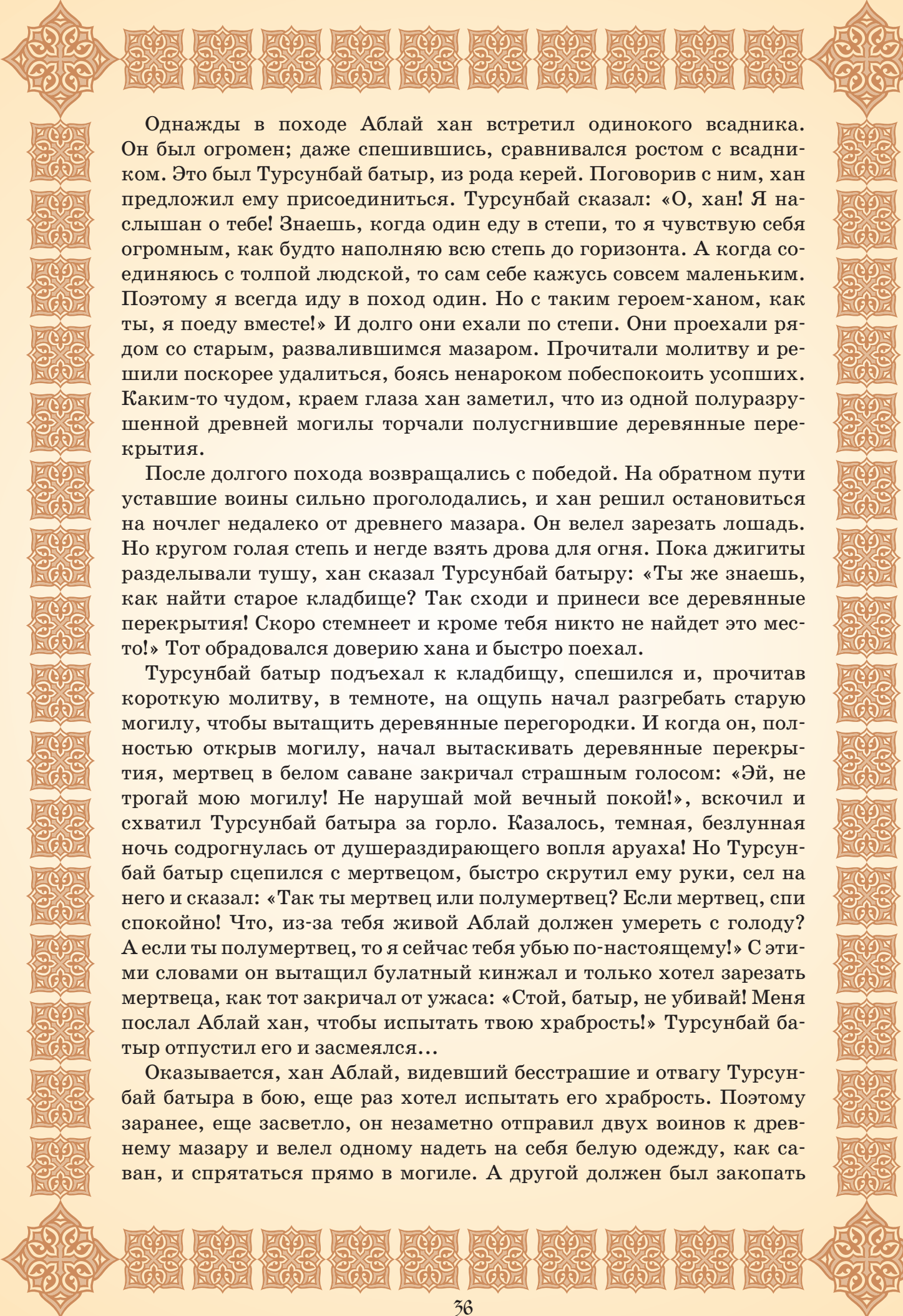
Кастек еле открыл глаза и, выплевывая кровь, хрипло сказал:

– Ты показал силу своего удара! А теперь покажи силу своей руки – спусти-ка меня одним махом вниз по копью!

От такого нойону стало как-то не по себе, и он, истерично захохотав, ударил тупым концом копья об землю. От сильного удара проткнутый насквозь Кастек соскользнул по копью вниз и поравнялся с нойоном лицом к лицу.

– Ну, как ты теперь? – спросил нойон, глядя в упор на мальчика.

– А вот так! – тихо пробормотал Кастек батыр, истекая кровью, и глубоко вонзил свою маленькую саблю в горло нойона и умер. Зарезанный на глазах своего тумена полководец грохнулся на землю замертво. Джунгары обомлели – они были потрясены. Когда пришли в себя, то похоронили обоих героев с почестями на одном холме и вернулись в свою орду без боя.

Однажды в походе Аблай хан встретил одинокого всадника. Он был огромен; даже спешившись, сравнивался ростом с всадником. Это был Турсунбай батыр, из рода керей. Поговорив с ним, хан предложил ему присоединиться. Турсунбай сказал: «О, хан! Я слышан о тебе! Знаешь, когда один еду в степи, то я чувствую себя огромным, как будто наполняю всю степь до горизонта. А когда соединяюсь с толпой людской, то сам себе кажусь совсем маленьким. Поэтому я всегда иду в поход один. Но с таким героем-ханом, как ты, я поеду вместе!» И долго они ехали по степи. Они проехали рядом со старым, развалившимся мазаром. Прочитали молитву и решили поскорее удалиться, боясь ненароком побеспокоить усопших. Каким-то чудом, краем глаза хан заметил, что из одной полуразрушенной древней могилы торчали полусгнившие деревянные перекрытия.

После долгого похода возвращались с победой. На обратном пути уставшие воины сильно проголодались, и хан решил остановиться на ночлег недалеко от древнего мазара. Он велел зарезать лошадь. Но кругом голая степь и негде взять дрова для огня. Пока джигиты разделывали тушу, хан сказал Турсунбай батыру: «Ты же знаешь, как найти старое кладбище? Так сходи и принеси все деревянные перекрытия! Скоро стемнеет и кроме тебя никто не найдет это место!» Тот обрадовался доверию хана и быстро поехал.

Турсунбай батыр подъехал к кладбищу, спешился и, прочитав короткую молитву, в темноте, на ощупь начал разгребать старую могилу, чтобы вытащить деревянные перегородки. И когда он, полностью открыв могилу, начал вытаскивать деревянные перекрытия, мертвец в белом саване закричал страшным голосом: «Эй, не трогай мою могилу! Не нарушай мой вечный покой!», вскочил и схватил Турсунбай батыра за горло. Казалось, темная, безлунная ночь содрогнулась от душераздирающего вопля аруаха! Но Турсунбай батыр сцепился с мертвецом, быстро скрутил ему руки, сел на него и сказал: «Так ты мертвец или полумертвец? Если мертвец, спи спокойно! Что, из-за тебя живой Аблай должен умереть с голоду? А если ты полумертвец, то я сейчас тебя убью по-настоящему!» С этими словами он вытащил булатный кинжал и только хотел зарезать мертвеца, как тот закричал от ужаса: «Стой, батыр, не убивай! Меня послал Аблай хан, чтобы испытать твою храбрость!» Турсунбай батыр отпустил его и засмеялся...

Оказывается, хан Аблай, видевший бесстрашие и отвагу Турсунбай батыра в бою, еще раз хотел испытать его храбрость. Поэтому заранее, еще засветло, он незаметно отправил двух воинов к древнему мазару и велел одному надеть на себя белую одежду, как саван, и спрятаться прямо в могиле. А другой должен был закопать

его и наблюдать за происходящим. «Посмотрим на нашего батыра, вздрогнет или нет перед аруахом?!» – сказал хан.

Приехали к хану, разожгли огонь, сварили мясо и поели на славу. Посмеялись над «полумертвецом». И спрашивает хан Турсунбай батыра:

– Скажи, батыр, ты хоть когда-нибудь пугался в своей жизни?

– Было дело, – отвечает батыр. – Однажды я крепко заснул в степи. Вдруг чувствую, как что-то холодное ползет по мне. Смотрю краем глаза – огромная черная змея пробирается к моей голове. Прошла шею, и как только скользнула через мой раскрытый рот, я всей силой своих челюстей куснул ее в шею и разделил напополам! Голова упала в одну сторону, хвост – в другую! А середину я проглотил! Погибла змея! Наверное, я это сделал от страха! Да, если бы не испугался, разве проглотил бы я отвратительную змею?

Аблай хан и все воины рассмеялись и качали головами – вот это испуг!

И сейчас, лежа на кошме в сырой джунгарской темнице, он улыбнулся. Но в то же время горькая досада сжигала его душу. «Эх, были бы эти батыры рядом...» А они, прославленные и недосыгаемые, один за другим являлись в его воображении...

Батыр Сатай из рода суан отличался своим добрым нравом. Бывало, застигнет спящим калмыцкого нойона в степи врасплох. Чего тут мешкать – свяжи или заруби, и делу конец! Но нет, Сатай батыр разбудит его, как друга, осторожно, тихо, даже нежно. Разбудив, расспрашивает: кто таков, зачем пожаловал? Затем советует: ну, не будь врагом, а будь гостем! Зачем, мол, ты пришел к нам с оружием? Приходи как друг, сосед! Иногда, тронутый таким отношением, калмык действительно отказывался от своих враждебных намерений и уходил с миром. Но если он отказывался от дружеских предложений, то тогда Сатай батыр выходил с ним на поединок. И пока не разозлился, бился вполсилы. Но когда дело начинало принимать серьезный оборот и он гневался, то силы Сатай батыра на глазах удваивались и он беспощадно уничтожал врага.

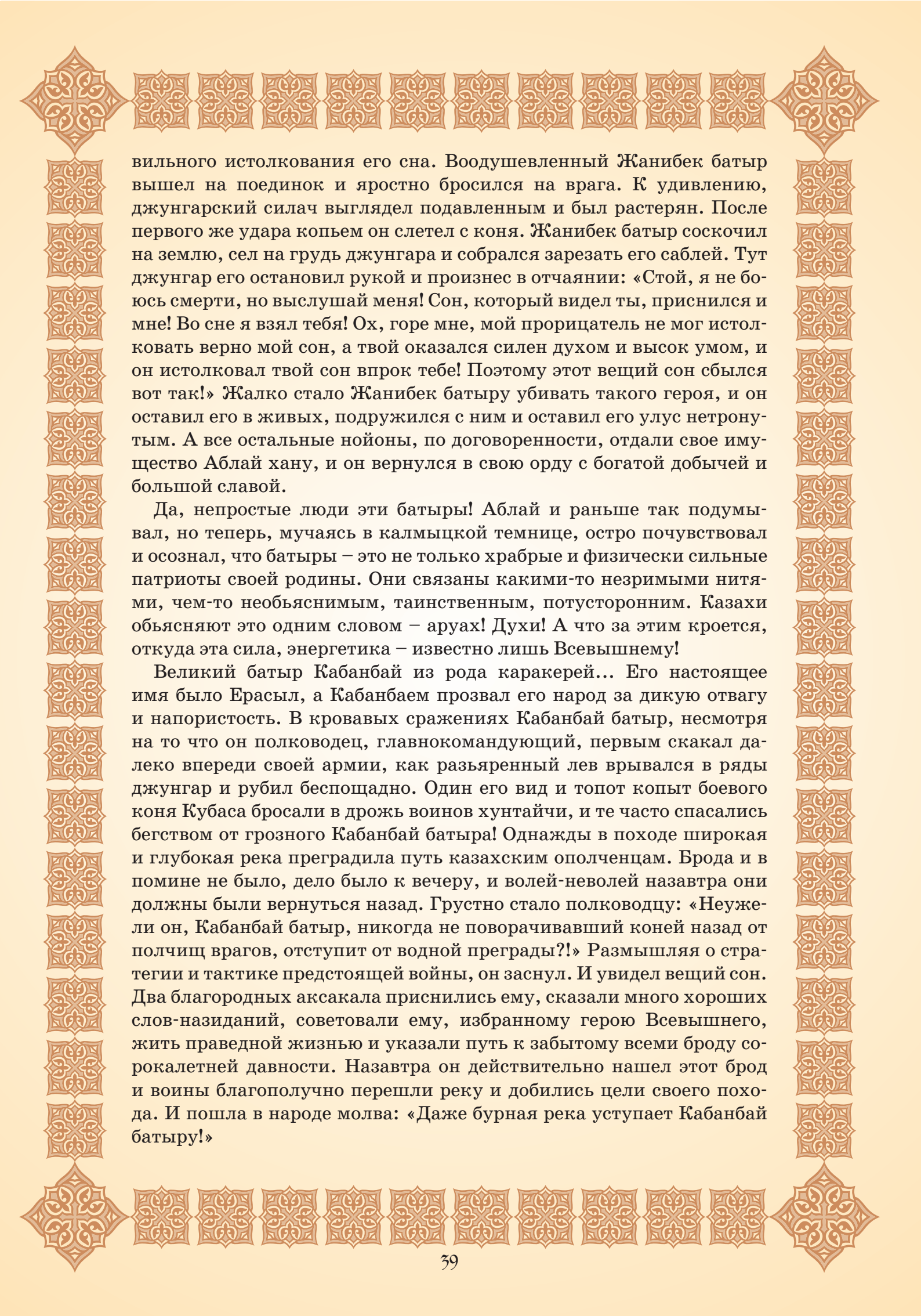
События славных дней своего ханствования непрерывной чередой проносились перед глазами уморенного голодом Аблая. Его удивляли живость и ясность видений, он как бы заново переживал и осмысливал все это. Сошлись однажды казахские сарбазы и джунгарские шерики в чистом поле. Превеликое множество славных героев собралось с обеих сторон, и готовы были они, абсолютно незнакомые, с дикой яростью, с нечеловеческой ненавистью вырезать друг друга. Что ж, таков закон войны, утешали они себя. И вот тут нойоны отправили посла к хану со словами: «Нам всем кровопролитие не нужно! Мы воюем из-за добычи! Так давайте договоримся и покля-

немся – пусть ваш самый сильнейший батыр выйдет с нашим на поединок, и победившая сторона получит всю добычу, а побежденный уйдет ни с чем!»

На том поклялись и назначили на завтра решающий поединок. Аблай хан и Богембай батыр, посоветовавшись со старейшинами, полководцами, решили выставить батыра Жанибека Шакшакулы, из рода аргын, известного своей отвагой, мастерством и силой. А у калмыков был герой, на которого однажды напал тигр-людоед. Он вступил с ним в бой, схватил за хвост и, прокрутив в воздухе несколько раз как котенка, ударил головой об землю. И говорят, до сих пор шкура этого тигра украшает орду хунтайчи Галдан-Церена. Когда Жанибек батыр узнал, что ему предстоит смертельная схватка с этим героем, ему стало страшно. Он плохо спал и под утро видел сон. Будто сошлись они с джунгаром в бою и тот ударом копья выбил его, Жанибека, из седла, сел на грудь и поднес саблю к его горлу. И видит, как его, Жанибека, грудь с правой стороны кусает дракон, а с левой стороны кусает второй дракон. Проснулся батыр весь в холодном поту и в ужасе решил бежать отсюда подальше. Перед побегом решил все-таки зайти в шатер хана и предупредить его о своем уходе. К удивлению Жанибек батыра, Аблай хан тоже бодрствовал и, оказывается, ждал его, чувствуя, что он придет к нему. Жанибек рассказал хану свой сон и сказал: «Разреши мне, о, алдияр хан, уйти! Самое страшное – я еще не успел жениться и если я погибну, то не останется от меня потомства!» Хан Аблай жестом успокоил батыра и кликнул своего конюха. Когда тот подошел, он велел ему привести своего коня Наркызыла, подаренного Богембай батыром перед боем с Чарышем. Когда конюх привел Наркызыла, хан Аблай помолился Аллаху, попросив принять коня в жертву, и молвил: «Иа, аллах! Молю тебя, да сбудется сон Жанибек батыра таким, каким я истолковываю его!»

И велел хан зарезать своего коня и раздать мясо всем воинам. Затем, оставшись наедине с Жанибеком, молвил: «Издrevле казахи говорили: кто испугается во сне, тот радуется наяву! И еще народная мудрость гласит, что сон сбывается не таким, каким его видишь, а таким, каким его истолкуешь! Так что если джунгар победил тебя во сне, наяву победишь ты! Если твою правую грудь кусает дракон, то твой внук от сына будет героем как дракон! Если твою левую грудь кусает дракон, то внук-племянник от дочери будет героем как дракон! Как ты можешь погибнуть завтра, если тебе суждено иметь детей и героических внуков? Прогони этот страх и иди к джунгару – победа будет твоя!»

От этих слов Аблая Жанибек батыр воспрял духом. Да еще его потрясло то, что хан пожертвовал своим любимым конем ради пра-

вильного истолкования его сна. Воодушевленный Жанибек батыр вышел на поединок и яростно бросился на врага. К удивлению, джунгарский силач выглядел подавленным и был растерян. После первого же удара копьем он слетел с коня. Жанибек батыр соскочил на землю, сел на грудь джунгара и собрался зарезать его саблей. Тут джунгар его остановил рукой и произнес в отчаянии: «Стой, я не боюсь смерти, но выслушай меня! Сон, который видел ты, приснился и мне! Во сне я взял тебя! Ох, горе мне, мой прорицатель не мог истолковать верно мой сон, а твой оказался силен духом и высок умом, и он истолковал твой сон впрок тебе! Поэтому этот вещий сон сбылся вот так!» Жалко стало Жанибек батыру убивать такого героя, и он оставил его в живых, подружился с ним и оставил его улус нетронутым. А все остальные нойоны, по договоренности, отдали свое имущество Аблай хану, и он вернулся в свою орду с богатой добычей и большой славой.

Да, непростые люди эти батыры! Аблай и раньше так подумывал, но теперь, мучаясь в калмыцкой темнице, остро почувствовал и осознал, что батыры – это не только храбрые и физически сильные патриоты своей родины. Они связаны какими-то незримыми нитями, чем-то необъяснимым, таинственным, потусторонним. Казахи объясняют это одним словом – аруах! Духи! А что за этим кроется, откуда эта сила, энергетика – известно лишь Всевышнему!

Великий батыр Кабанбай из рода каракерей... Его настоящее имя было Ерасыл, а Кабанбаем прозвал его народ за дикую отвагу и напористость. В кровавых сражениях Кабанбай батыр, несмотря на то что он полководец, главнокомандующий, первым скакал далеко впереди своей армии, как разъяренный лев врывался в ряды джунгар и рубил беспощадно. Один его вид и топот копыт боевого коня Кубаса бросали в дрожь воинов хунтайчи, и те часто спасались бегством от грозного Кабанбай батыра! Однажды в походе широкая и глубокая река преградила путь казахским ополченцам. Брода и в помине не было, дело было к вечеру, и волей-неволей назавтра они должны были вернуться назад. Грустно стало полководцу: «Неужели он, Кабанбай батыр, никогда не поворачивавший коней назад от полчищ врагов, отступит от водной преграды?!» Размышляя о стратегии и тактике предстоящей войны, он заснул. И увидел вещий сон. Два благородных аксакала приснились ему, сказали много хороших слов-назиданий, советовали ему, избранному герою Всевышнего, жить праведной жизнью и указали путь к забытому всеми броду сорокалетней давности. Назавтра он действительно нашел этот брод и воины благополучно перешли реку и добились цели своего похода. И пошла в народе молва: «Даже бурная река уступает Кабанбай батыру!»

Размышляя о видимом и невидимом, о понятном и необъяснимо таинственном, хан Аблай вспомнил о Малайсары и Олжабай батырах.

Батыр Малайсары из рода аргын был человеком невообразимо огромным, сильным и храбрым. Когда он был еще мальчиком и катался на тае, на их лошадей напал тигр. Ничуть не испугавшись, он первым вступил в схватку с грозным хищником. Тигр так хватанул своими когтями, что тай подлетел вверх. Малайсары полетел вместе с ним, а опустился прямо на спину тигра. Ничуть не растерявшись, он схватил тигра за шею и не давал тому разорвать себя когтями и клыками. Пока свирепый тигр яростно рычал и пытался скинуть с себя цепкого мальчонку, подросел его отец Токтаул батыр, вспорол живот хищнику острым кинжалом и спас своего сына. И Малайсары батыр с ранних лет начал участвовать в стычках и больших битвах с джунгарами, совершил много подвигов и прославился на всю степь. Однажды в бою он попал в плен к джунгарам. Хунтайчи принял его в своей орде с почестями, поговорил и пришел к выводу: лучше не враждовать с таким военачальником, а помириться и жить в дружбе. Малайсары батыр принял его мирные предложения, пообещал, что отправит своего сына к джунгарам в аманат. Они с хунтайчи поцеловали дуло белого ружья и поклялись больше не воевать друг с другом, а того, кто нарушит клятву, пусть сразит пуля! И вот когда Малайсары только вернулся в свой аул, нагрянул хан Аблай со своими батырами. Хан позвал его в поход против джунгар. Малайсары сказал хану:

– Я не поеду! Оставьте меня! Потому что я дал клятву калмыкам не воевать с ними, поцеловав дуло белого ружья!

– Да что там твоя клятва с хунтайчи, когда весь твой народ идет воевать, чтобы отомстить им и вернуть пленных! Поедешь с нами – и все тут! – приказал батыру хан.

Джунгары заранее узнали о походе казахов и укрепились в неприступной крепости. Батыры Сары и Баян из рода уак и Малайсары во главе воинов атаковали крепость. Джунгары встретили их ружейными выстрелами и они отступили под огнем. Шерик-стрелок произвел три прицельных выстрела, и все три пули попали в щель кольчуги Малайсары батыра. Остальные вернулись без единой царапины, а Малайсары был тяжело ранен в поясницу. Осмотрев раненого, Аблай хан велел не давать ему копченого мяса, а кормить лишь легкой пищей.

– У него задеты пулей внутренности, и копченое мясо может разорвать ему кишки! – предупредил он.

Малайсары тихо лежал в шатре, корил себя, подумывая, что его ударила своя же клятва, данная калмыкам, которую он не сдержал.

А войско хана продолжало осаду крепости. В те времена Олжабай батыр из рода аргын был никому не известным молодым воином и находился в запасных, хозяйственных частях войска. И вот однажды пасет он коней и видит: некто скачет мимо него. «Куда спешишь?» – спрашивает Олжабай. «А-а, разве ты не слыхал? Олжабай батыр, герой всего Среднего Жуза, сейчас разрушит крепость джунгаров и раздаст много добычи воинам! Поэтому спешу, чтобы не остаться ни с чем!» И ускакал дальше! «Ах, вот как! Значит, взять неприступную крепость суждено мне?!» – подумал Олжабай, облачился в боевые доспехи и поскакал с кличем: «Олжабай! Олжабай!» На полном скаку выхватил боевое знамя из рук Аблая и с боем взял крепость. Все воины кричали: «Олжабай! Олжабай», и вмиг его имя стало боевым кличем всего Среднего Жуза. И только после завершения битвы Олжабай батыр заметил пулевую сквозную рану руки!

А Малайсары батыр горько сожалел о том, что не мог принять участие в победоносной битве, и сказал: «Дух Олжабай батыра возносится высоко!»

Однажды ему так захотелось поесть мяса. Велел он своему конюху сварить его. Тот, вспомнив наказ Аблай хана, сказал: «Нельзя!»

Тогда Малайсары батыр пригрозил, что если он не достанет хоть кусочек мяса, то зарубит его! Тот испугался и, пошарив в коржынах, нашел копченое казы. Отрезал большой кусок, сварил и накормил батыра. Через некоторое время стало плохо ему и он умер в тот же день. Перед смертью молвил Малайсары батыр: «Я все время думал, где же обитает он, Азрейил, ангел смерти? Оказывается, он незаметно лежал на дне моего походного коржына! И вот видите, как он пришел хитроумно! Наверное, даже он не посмеет подойти в открытую к

таким людям, как мы!» Тело героя доставили на родину и похоронили со всеми почестями.

Об Олжабай батыре тоже ходили легенды в народе. Говорят, что однажды после трудного похода изнеможенный Олжабай прилег в степи и крепко заснул. Вдруг его сердце стало бешено колотиться, в ушах зашумело, все тело похолодело, мурашки побежали по коже и он начал задыхаться. Проснувшись в муках, он поднял голову, осмотрелся. Видит: желто-пестрая большая змея с головой, как подушка, устроилась на его груди, то обвивает его шею, то скользит по всему телу. «Наверное, ищет нору!» – подумал Олжабай батыр и продолжал лежать неподвижно, широко раскрыв рот. Он решил откусить голову змее! Но змея соскользнула на землю. Олжабай батыр поднялся и начал осматриваться, ища змею. Смотрит – змеи нет и в помине, а у его изголовья сидит ходжа в белой чалме. «Чего тебе надобно от меня, ходжа?! Сам видишь, брожу по степи, юрта моя далеко отсюда, скота моего тоже нет здесь! Чего ты сидишь и ждешь от меня?!» – возмутился Олжабай батыр. «Нет, я не ходжа, я твоя судьба – счастье, дух-хранитель. Я всегда буду с тобой! Хотел тебя испытать и змеей прошелся по всему телу и убедился, что ты настоящий храбрец! Не поклоняйся ничьему духу, призывай свой дух «Олжабай, Олжабай!» и смело скачи на врага! Желто-пестрой змеей буду лететь впереди тебя на расстоянии выстрела! И не только от тебя, но и от тех, кто будет произносить твое имя боевым кличем «Олжабай! Олжабай!», будут убегать все враги!»

Сказав это, аксакал исчез!

«Да, удивительные люди! – подумал про себя хан. – И какое счастье, что я с этими героями прошел весь путь своего яркого ханства и свершил немало славных дел во имя своего народа! Жаль, что дорога была недолгой! Одно утешение, что за эти десять лет успел совершить такие дела, какие другим не удастся сделать за всю жизнь!»

Также вспоминал он свои «крутые замашки» и критически усмехался над самим собой. Да, было время... Невиданный успех и громкая слава вскружили голову молодому хану. Он жаждал еще большей славы и успеха. Самые храбрые и искусные воины стекались к его орде из всех уголков бескрайней степи. Почувствовав взлет, ему хотелось быстро решить все вопросы, уладить все политические разногласия, разбить всех врагов. И он задумался – ни много, ни мало – о решающем походе на запад, по следам великого предка Чингисхана, на Русию! Его зажигательные речи будоражили умы, молодые батыры горячо поддерживали своего хана и готовились к войне. И тут прибыл в орду Бухар жырау.

Аблаи с большим почтением встретил его. Жырау был озабочен. И он высказал хану Аблаю честно, нелицеприятно, порой даже рез-

ко всю правду. Суть его слов сводилась к тому, что война никому не нужна, об этом даже не надо думать. Надо стараться жить в мире и согласии со всеми народами!

Аблай хан, хоть вначале и разгневался, но, вспомнив разговор с Бухар жырау в бытность табунщиком, поостыл и подумал о многом. Его поразили открытость и искренность жырау. Его слова были сильны, потому что были честны, правдивы и полны заботы о судьбе не только своего народа, но и всего мира. Аблай с почестями проводил Бухар жырау, долго, напряженно, глубоко думал и пришел к окончательному выводу. Мир лучше любой войны, и отныне это жизненный путь его народа и его орды!

«И все таки я счастливый хан! – подумал Аблай. – Несмотря на все страдания и лишения в юности, несмотря на эту нелепую беспечность и позорное пленение! Да, много ли найдется правителей, ради которых великие герои готовы были отдать свои жизни! Значит, я чего-то стою для них, для своего народа!» И как бальзам на его душу пролилось воспоминание о Байгозы батыре из рода таракты аргын. Однажды в бою хан Аблай остался в окружении четырех богатырей из джунгарского рода хойт. Воины были мощные и искусные, и Аблаю приходилось туго. К тому же сюда начали стекаться множество шериков, сжимая кольцо окружения. И в этот миг рослый, сильный батыр на вороном коне прорвал это железное кольцо, бесстрашно сразился с хойтами и нескольких убил ударом копья. Это был Байгозы батыр, и узнав его, воодушевленный Аблай начал отбиваться с новой силой. Тут подоспели сарбазы и обратили врага в бегство. Впоследствии много раз пересказывал эту историю сам Аблай хан и говаривал, что таракты Байгозы батыр своей самоотверженностью вырвал его, Аблай хана, из пасти смерти!

Любовь и ненависть матери

Предаваясь воспоминаниям и размышляя о батырах степи, он временами забывался, дремал или глубоко засыпал. Однажды от сладкой дремоты его разбудил едва уловимый шорох. Открыв глаза, Аблай хан увидел женщину, входящую в его обиталище. Это была пожилая, симпатичная калмычка. Строгое выражение ее лица и богатый наряд выдавали благородное происхождение.

Аблай был крайне удивлен, но не подал виду и молча встретил ее, глядя открыто и прямо в ее грустные глаза.

– Я сестра хунтайчи Галдан-Церена! Мать великого воина Чарыша!

– Мать Чарыша?! – удивленно поднялся Аблай.

Знатная особа старалась сохранять внешнее спокойствие, но распиравшие ее гнев и ненависть прорывались с каждым ее словом.

– Как ты посмел убить моего любимого Чарыша, моего мальчишку? Он был очень добрым! Но откуда вам, дикарям, понять это?

– Он был убийцей! Он безжалостно уничтожал целые аулы казахов! Он заслужил такую смерть и нашел то, что искал!

– Безжалостный убийца, говоришь! И это ты о Чарыше... о милом, добром нойоне! Он страстно любил свою страну... он был опорой трона, оплотом орды! Это он на войне был беспощаден к врагам. А так... муху зазря не обижал... Однажды ягненок вывихнул ногу... так он позаботился, чтобы его вылечили...

– Ягненок выходил, значит... А вырезал целый народ... это что, ничего?!

– Это война! И это неизбежно! – выпалила с жаром женщина.

– Вы мать... И наверное, у вас в груди бьется материнское сердце, да? – продолжил Аблай. – И оно, наверное, наполнялось нежными чувствами, когда вы провожали вашего сына на войну? На войну захватническую, несправедливую! Вы благословляли его на победу! Вы желали, молились, чтобы он вернулся живым и здоровым, с богатой добычей и прославленным! И что тогда подсказывало вам ваше материнское сердце? Вы же благословляли вашего доброго сына на убийство! На убийство детей таких же матерей, как вы сами! И заметьте, на убийство не одного человека, а на уничтожение целого

рода! Кровь и страдания людей – вот цена славы вашего сына-героя! Кто дал право вашему сыну прийти в чужую страну с оружием и убивать людей? Кто его приглашал? А каково было бы вам, если бы на вашу землю вторглись чужестранцы?!

Мать Чарыша чуть помедлила с ответом. Аблаю показалось на мгновение, что ей совестно. Но гордая сестра хунтайчи не теряла самообладания.

– На нашу землю никто и никогда не сможет вторгнуться! Воины Джунгарии не допустят этого и вырежут всех, кто придет к нам с оружием!

Аблай не стал спорить с ней. Он понимал, что это бессмысленно.

– Вот вы горюете, – продолжил хан мирным тоном. – Я вас понимаю, погиб любимый сын! Но вы хоть на мгновение подумайте о тех сотнях, тысячах детей, уничтоженных вашим сыном! Подумайте о матерях, убитых горем! Они тоже, как вы, оплакивают своих детей! Их сердца тоже обливаются кровью! Подумайте об этом человеческом горе, которое принес в наши степи ваш любимый, добрый мальчик!

Благородная калмычка с глубокой ненавистью выпалила:

– Ты еще смеешь говорить мне такое! Да будь ты проклят! Чтобы травы в твоём улусе росли высоко и никогда не были растоптаны!

Аблай усмехнулся.

– Понятное дело, ты желаешь мне бедности, чтобы не было у меня скота и некому было щипать эту траву! Да, нехорошо, но если у моего народа будет много скота, то и я не буду считать себя бедным!

– Чтобы зола в твоём очаге никогда не была рассыпана! – выпалила гневно калмычка. Она сказала это с такой энергией, что Аблай невольно вздрогнул и мурашки побежали по спине. Но он про себя сказал: «Ля иляха илла Аллах!» и спокойно отпарировал:

– Ты желаешь, чтобы у меня не было детей! Да, страшное проклятие! Но если мой народ будет расти, я буду счастлив! Дети моего народа – мои дети!

Мать Чарыша чуть задумалась и произнесла:

– Чтобы ты, хан, сам не знал, как поступить в решающих ситуациях, и не слушался знающих!

Аблай хан покачал головой и неторопливо ответил:

– Да ты, оказывается, умная женщина! Действительно, это самое страшное проклятие! Но спасибо за урок – я буду всегда стараться делать наоборот и слушаться даже младенца, если в его словах будет зерно здравомыслия! Самое главное, я возвращаю все твои проклятия тебе самой! И верю, что никакие проклятия не могут навредить невинному – Всевышний не позволит! Да и благословения моего народа защитят меня от проклятий чужеземных недругов!

Женщина резко отвернулась и зашагала к выходу. На пороге повернула голову и бросила быстрый, леденящий душу взгляд.

– Все равно я убью тебя! – процедила она в ярости сквозь зубы и ушла.

Дыхание смерти

Эти семь голодных дней и ночей сыграли переломную роль в жизни Аблая. Он пережил это и вышел мудрым владыкой не только степи, но и себя самого!

Через семь дней и семь ночей подали измученному, ослабевшему хану Аблаю чашу воды. Смотрит Аблай хан и видит – плавает кусок бараньего жира в воде. Голодный кочевник потягивает воду, притягивая жир ко рту, но остывший в холодной воде бараний жир все время отплывает к другому краю чаши. Три раза пытался хан проглотить бараний жир, но он не подплывал к его рту. Раздосадованный хан воскликнул:

– Раньше я не мог отдувать жир из бульона, а теперь не могу притянуть к себе! Да, видать, счастье отвернулось от меня! Так пропади пропадом! – и бросил чашу с остатком воды и куском жира к шерикам.

Те обомлели от такого поступка голодного хана-узника и доложили об этом хунтайчи Галдан-Церену. Тот задумчиво покачал головой и сказал:

– Видать, этот Аблай действительно благородного происхождения, чингизид. Если бы он был простолюдином, то засунул бы руку в чашу с водой и слопал бы жир! Так мы еще раз испытаем его. Пусть к нему зайдут четыре воина и, оголив сабли, произнесут яростно: «Время ваше пришло – хунтайчи приказал вас зарубить!» – и бросятся на него. Если он испугается и будет просить пощады – зарубите его! А если не вздрогнет – не трогайте и доложите мне!

Четыре воина быстро и бесшумно вошли в темницу и молча встали по четырем сторонам сидящего на кошме пленного хана. Они, как тени смерти, неподвижно застыли и впелись тяжелым взглядом в него. Аблай холодно посмотрел на них. Воины одновременно оголили сабли и издали душераздирающий боевой клич.

– Хай-хай-хай! Хан казахов Аблай! Наступил твой смертный час! Хунтайчи приказал зарубить тебя!

И все четверо с криком бросились на хана. Сабли сверкнули над головой, но Аблай хан, даже не моргнув глазом, сидел неподвижно, как каменная скала.

Воины скрестили свои смертоносные клинки прямо над теменем коронованной особы и внимательно оглядели его. Убедившись, что

хан не вздрогнул, молча поклонились ему и тихо удалились.

Аблай хан еще раз почувствовал жуткое дыхание смерти, тихо вздохнул и подумал про себя, что Всевышний Аллах уготовил ему особую судьбу и духи предков поддерживают его.

Трон хунтайчи

Хунтайчи велел привести Аблай хана в свою орду.

Он собрал девяносто самых знатных калмыков из всех родов, усадил по две стороны трона и сам сел посреди них.

При этом наказал всем:

– Ни словом, ни взглядом не давайте знать, что я – хунтайчи! Посмотрим, как он найдет меня! И не уступайте свое место пленному казахскому хану! Оставьте свободным только место у порога! Испытаем его таким образом! Если он простолюдин, то сядет на свое привычное место – у порога! А если воистину благородного происхождения, то пусть поломает голову, как ему быть!

Когда Аблай хан вошел в орду, могущественная калмыцкая знать, разодетая в праздничные одежды, встретила его горделивым молчанием. Аблай хан достойно поздоровался, джунгары ответили неохотно и вперились в него тяжелым взглядом. Аблай спокойно вынес «расстрел» раскосых глаз и медленно осмотрелся. Не было свободного, подходящего места, кроме порога. Хунтайчи Галдан-Церен не было видно – трон был пуст. И Аблай уверенно шагнул вперед и сел прямо на трон великого хунтайчи! Неслыханная дерзость хана чужой страны, да еще и пленника, возмутила нойонов и зайсанов – они аж взорвались в едином порыве и зашумели.

Аблай хан с улыбкой ответил:

– Так кто же сядет на этот трон, если на него не садятся великий хунтайчи джунгар Галдан-Церен или хан казахов Аблай?

Все растерянно переглянулись. Хунтайчи Галдан-Церен встал и направился к своему трону. Аблай хан почтительно освободил трон и занял место по правую сторону владыки.

Хунтайчи Галдан-Церен скорбно посмотрел на Аблай хана и спросил:

– Где Чарыш?

– Острая сабля в бою не разбирает, кто ты – Чарыш или не Чарыш...

– Где Чарыш?

– Была смертельная сеча, и суждено было пролить эту кровь мне...

– Где Чарыш?!

– Его смерти желал мой народ, а моя рука лишь свершила это!

Зачем вам Чарыш, исчезнувший в небытии? Лучше позаботились бы о себе, живом и здоровом...

Хунтайчи задумался и покачал головой.

– Ты о чем жалеешь, Аблай хан? – спросил он наконец.

– Первое, о чем я жалею, это то, что я не сумел построить города и укрепить свой кочевой народ!

– Ты прав! – сказал хунтайчи.

– Во-вторых, я убил Чарыша в поединке, в честном бою! И мне очень жаль, что я спящим попал в плен к вам и умираю бесславно. Если бы мы сошлись в чистом поле и я погиб бы в бою, то не было бы никакого сожаления!

– Да! – покачал головой хунтайчи.

– И третье мое сожаление в том, что я единственный живой потомок своего предка в четвертом колене и еще не родились мои дети! Если я умру, то пресечется весь мой род!

При этих словах хунтайчи вдруг загрустил и тихо сказал:

– Я тоже одинок с третьего колена! А ты как мой Амурсана!

– Алдияр! – радостно воскликнул Аблай хан.

– Почему ты обрадовался? – спросил удивленно хунтайчи.

– Вы сравнили меня со своим сыном! А раз так, то наверняка не желаете моей смерти! – выпалил Аблай хан и продолжил спокойным голосом: – Я думаю, что мы и так пролили немало казахско-калмыцкой крови! Вот уже около двух веков мы несем друг другу гибель, страдание, разорение! И чего добились?! Давно настало время остановиться и подумать!

– О-о, какой умник нашелся!

– Ты бы лучше подумал о своей голове! – начали было возмущаться некоторые нойоны, но хунтайчи властно поднял руку и все сразу умолкли.

– Казахи говорят, человеческая голова – мячик Аллаха, куда направит, туда и покатится! – продолжил Аблай. – Но иногда не только отдельный человек, но и целые страны позволяют играть своей головой другим!

При этих словах широкое лицо хунтайчи едва заметно дрогнуло, а глаза выражали тяжелые мысли.

Большинство джунгарской знати так же задумались.

– Кого из сегодняшних правителей ты считаешь самым сильным? – спросил наконец хана хунтайчи.

– Турецкий султан, русский белый царь, китайский император! Затем вы, хунтайчи!

– А где ты сам? – не выдержав, проиронизировал один из нойонов.

– А мы со всеми в ладу и дружбе, как равный с равным! – улыбнулся в ответ Аблай хан.

– Мы знаем, что про тебя легенды ходят в казахской степи! А некоторые иноземцы нелестно отзываются о тебе! Они говорят, что ты хитрый, коварный, двуличный, властолюбивый, одним словом, плохой человек! – не унимался нойон.

– А ведь это хорошо, когда тебя чернят иноземные недоброжелатели, а свой народ восхваляет! – засмеялся Аблай хан. – Если было бы наоборот – тогда действительно плохо! Потому что, я думаю, хан должен думать прежде всего об интересах своего народа, а не иноземных льстецов!

Неожиданно все нойоны одобрительно загудели, а Галдан-Церен, усмехнувшись, задумчиво покачал головой и наконец молвил:

– Да, нам с вами стоит подумать над многими вещами! Так что пока есть время, лежи себе тихо и думай! Как-нибудь мы продолжим нашу беседу!

Он подал знак и охрана увела хана Аблая.

Странный сон

Его перевели в отдельную юрту. После темницы юрта казалась раем. Но неволя, какой бы почетной она ни была, всегда тягостна, и положение узника давило и угнетало Аблая с каждым днем все больше и больше.

Однажды ему приснилось, будто он еще мальчик и играл в степи один. Он скакал на коне-пруте по степи. Вдруг из-за холма появился мальчик-калмык. Он тоже скакал на пруте. Они подошли друг к другу. Мальчик-калмык был очень красив и одет прекрасно. Они улыбнулись.

– Я – Аблай. А как тебя зовут?

– Меня зовут Чарыш! Я – джунгар! А ты казах?

– Да. Давай играть!

– Хорошо. А во что будем играть?

– В асыки. Или в байгу!

– Нет, давай играть в войну. И сражаться!

– Нет, война – это нехорошо! Давай бороться!

Они спешили и начали бороться. Вдруг нечаянно Аблай сильно задел Чарыша локтем в лицо и тот громко заплакал. Как из-под земли, внезапно появилась мать Чарыша. Она обняла своего сына и начала его утешать, пригрозила Аблаю кулачком и шагнула к нему. Аблай испугался и заплакал. И тут появилась его мать в белом платье, подошла к матери Чарыша, грустно посмотрела на нее и... исчезла. Калмычка молча остановилась, а Чарыш спросил:

– А куда ушла твоя мать?

– Ее убили джунгары! – ответил Аблай и заплакал. – О, матушка моя, моя родная матушка...

И он проснулся с этими словами. Едва открыв глаза, он увидел женщину, сидящую рядом. Спросонья она показалась ему матерью. Лишь в следующий миг он понял, что это та самая злая калмычка. Мать Чарыша невольно остолбенела, когда сонный Аблай со словами «матушка, матушка» протянул к ней руки и тихо всплакнул, и сидела неподвижно у его изголовья, сжимая в руках занесенный для удара острый кинжал.

Аблай вскочил. От ярости его лицо потемнело, глаза налились кровью. Калмычка испуганно вскрикнула и отпрянула к выходу. На ее крик прибежала охрана. Аблай злобно бросил взгляд на них и холодно произнес:

– Уберите ее отсюда и больше не пускайте ко мне! Передайте хунтайчи Галдан-Церену, что если он решил обезглавить меня, то пусть это совершит достойно своего имени. Или во всей Джунгарии не осталось воинов? Я не дам себя убить бешеной бабе и больше не потерплю ее издевательств!

Охране пришлось доложить об этом хунтайчи. И Галдан-Церен, опасаясь, что сестра может действительно убить Аблая, запретил ей даже близко подходить к юрте пленника. Для пущей безопасности он даже старался держать ее подальше от своей орды, в ее улусе, приглашая только в необходимых случаях.

Посланцы казахов

Вскором времени приехали посланцы из казахской орды во главе с Казыбек би. У них было одно, но жесткое требование – немедленное освобождение хана Аблая.

Казыбек би был из рода каракесек аргын. В народе его прозвали каз дауысты Казыбек, то есть «голосистый, как гусь», за звонкий, певучий голос.

Хунтайчи принял их в своей орде. После обмена традиционными любезностями Казыбек би решительно перешел к делу.

– Великий хунтайчи! Вся казахская степь, вольные сыновья всех трех жузов глубоко возмущены пленением хана Аблая! И вы прекрасно понимаете, что казахи не простят вам, если случится непредвиденное! Мы надеемся на ваше благоразумие! Во имя мира между нашими народами вы обязаны немедленно вернуть нашего хана живым и невредимым!

– Так вы просите меня или требуете?
В глазах Галдан-Церена сверкнули искорки.
Казыбек би прямо и спокойно посмотрел на него и заговорил твердым, звучным голосом:

– О, великий хунтайчи,
Мы, казахи, мирный народ,
Дружелюбны ко всем и добры,
Ни к кому не шли войной и не поработали никого.
Но того, кто приходит к нам с враждой,
Сразить готовы наши острые копья!
Ты железо, я уголь,
Расплавить тебя пришел я!
Казахи и калмыки – братья,
Помирить их пришел я.
А если ты будешь рычать как пантера,
То я лев,
Сразиться пришел я!

Речь лилась из глубины души мудрого и отважного кочевника как чистый родник, а речитатив придавал его словам особую силу и завораживающую красоту. Хунтайчи Галдан-Церен на мгновение оцепенел – так глубоко уважал гусеголосого Казыбек би. Но быстро взял себя в руки и строго, с достоинством ответил коротко и ясно:

– Наше решение вы узнаете в ближайшее время!
И они вежливо простились...

Казнить или миловать?

Хунтайчи Галдан-Церен беседовал в орде со своей любимой дочерью Топыш. И тут вошла, даже просто ворвалась его сестра, мать Чарыша. Она была старше Галдан-Церена и поэтому пользовалась особыми привилегиями. Она не очень-то соблюдала и дворцовый этикет.

– О, великий хунтайчи... милый брат! – выпалила она с ходу. – Пора покончить с этим казахским кровопийцей! – она бесшумно кружила по орде, как раненая тигрица. – Сожги его на костре, как бешеную собаку! Сотри его в порошок, перемолов все кости, и развей в сторону казахских степей! Или привяжи к хвостам четырех коней и пусть поскачут во все четыре стороны!

Галдан-Церен и красавица Топыш молча выслушали пламенные речи старшей сестры. Не встретив возражений, «выпустив пар», она немножко остыла и села на шкуру тигра.

– Казахская орда решительно требует немедленного освобождения своего хана! – сказал хунтайчи. – Их посланцы дали ясно понять, что в случае отказа, тем более казни, казахи собираются напасть на Джунгарию! И русский белый царь, и китайский император также желают освободить лояльного к ним Аблая. Ох, хитер и умен этот Аблай, если с ним считаются такие великие империи!

– К тому же доблестный и могучий воин! Одним словом, достойный враг, а может, и будущий друг?! – с жаром вступила в разговор красавица Топыш.

– Друг, говоришь? Как вы смеете даже думать об этом! – восклик-

нула мать Чарыша. – На нем кровь моего Чарыша, великого воина Джунгарии! А вы, вместо того чтобы отомстить, так долго раздумываете о чем-то недоступном разуму большинства джунгар! И мы недовольны этим!

– Да, ты права, сестра! По всем законам войны он должен погибнуть! Я должен его казнить! Он в моих руках, и никто не может помешать мне! И все нойоны и зайсаны тоже хотят его крови в отместку за гибель Чарыша! – при этих словах Галдан-Церен чуть не вскочил с трона и, воздев руки к статуэтке Будды, продолжил: – Но не могу! Почему? Сам не знаю! Что-то неведомое, непонятное держит меня, не пускает на этот решающий шаг!

– Тогда отдай его мне! – спокойным, холодным тоном сказала сестра. – Я сама казню его! Казню с благословения ламы, перед всем миром, в назидание нашим врагам, казню жестоко, выпью чашу его крови, и может, тогда моя душа приобретет покой!

– Ладно, хватит! – резко оборвал ее хунтайчи. – Хоть он смертельный враг, но он хан, чингизид! Да, он пленник, но пленник особо ценный, высокого происхождения! Он мой пленник, и я сам решу, как быть с ним! А тебе еще раз напоминаю, что ни один волосок не должен упасть с его головы!

Сестра переменялась в лице, с удивительной легкостью приняла слова хунтайчи и, поклонившись в знак покорности, молча вышла из орды. Красавица Топыш с нескрываемым восхищением посмотрела на отца и ее большие черные глаза искрились благодарностью.

Голова барана

Мать Чарыша не зря проявила такую покорность. Она замышляла так устроить смерть Аблая, чтобы никто не смог обвинить джунгар в этом. И придумала.

Она в тайне ото всех сговорила с начальником охраны. И уговорила его кормить Аблая ежедневно только одним единственным продуктом – мясом. Они знали, что если человек в течение двадцати-тридцати дней будет есть одно только мясо, то тихо умрет. А если Аблай хан умрет от однообразной пищи, никто не посмеет обвинить Джунгарию в этом.

Начальник охраны в душе ненавидел пленного казахского хана, да и подарки сестры хунтайчи были значительные, и он с особым рвением приступил к выполнению этого коварного замысла. Он отменил все остальные продукты и велел кормить Аблая одним только мясом. На третий день Аблай хан отказался от еды и спросил у начальника охраны, в чем дело.

– Теперь мы будем кормить тебя одним только мясом! – заявил тот нагло.

Аблай подумал и понял всю изощренную подоплеку этого коварного замысла. Но не подал виду и сказал со всей серьезностью:

– Тогда давайте мне вареную голову барана!

– Голову барана? Которую мы каждый день бросаем собакам? Что ты за простак такой, хан Аблай? Будем, будем тебя кормить головой барана!

И носили охранники каждый день Аблай хану вареную голову барана. И ел хан Аблай, находясь в плену, голову барана – самое почетное угощение для высоких гостей у казахов – ежедневно.

Наблюдал за ним начальник сорок дней. Мать Чарыша ждет не дождется от него радостной вести о смерти Аблая. А хан Аблай не только не собирался умирать, но даже стал поправляться на глазах, наливался силой.

И наконец не выдержали заговорщики и обратились к мудрому ламе, спросили разгадку этого явления, утаив, правда, об истинных своих целях. Лама подумал и ответил, что в бараньей голове много разных веществ, полезных для человека, и что она разнообразна по своей сути. Он пояснил, что в глазах, мозге, языке, ушах, то есть в каждой части вареной бараньей головы, разные вещества, и даже вкус у них разный. Тут заговорщики поняли мудрость хана Аблая и свою оплошность, но было уже поздно что-то делать.

Два владыки степей

Однообразные дни и месяцы в плену тянулись удручающе медленно.

Аблай сознавал, что ему надо держаться и выжить. И надеялся, что когда-нибудь этим мучениям будет конец. Но все равно временами ему становилось невыносимо тягостно, и тогда он затягивал старинные, грустные напевы степи. Это успокаивало и умиротворяло его душу.

Однажды, в конце лета, Аблая привели в орду.

Хунтайчи был один.

И снова встретились лицом к лицу два владыки степей в безбрежном океане жизни.

– Что движет нами, наталкивая друг на друга? – спросил тихим голосом Галдан-Церен.

Аблай вопросительно посмотрел на него.

Галдан-Церен задумчиво продолжил:

– Великие империи хотят моей рукой уничтожить тебя, а тво-

ей рукой – меня! Я потерял покой, когда ясно понял эту жестокую правду, и все время думаю, как развязать этот узел!

– Но если мы понимаем это, то, наверное, не надо быть орудием в чужих руках! – искренне выпалил Аблай.

Галдан-Церен встал со своего трона и начал медленно прохаживаться по просторной орде, на ходу чеканя каждое слово.

– В этом мире много непонятого, неподвластного нам. Вот мы с тобой поняли друг друга, вроде подружились. А наши народы воюют около двухсот лет, люто ненавидят друг друга, наши воины жаждут крови и славы. Сможем ли мы с тобой остановить их, вразумить, что братоубийственная война приведет только к гибели?

– Я думаю, если объединить наши усилия, то...

Аблай хотел было продолжить, но хунтайчи жестом остановил его и сказал, как бы размышляя вслух:

– Я стою на самой вершине власти и мне дальше идти некуда! Те, кто внизу, раньше, подталкивая меня, возносили вверх и сами поднимались за мной. А теперь они хотят мое место. Мне остается либо улететь в небеса, либо слететь вниз. Таков закон власти. И тебя ждет то же самое. Странно, зная об этом, мы все равно рвемся вверх, к власти! – вздохнул хунтайчи.

– Но я молод, я хочу многое сделать для своего народа! – ответил хан.

– И во имя своей славы! – усмехнулся хунтайчи. – Не смущайся, все мы честолюбивы! И это желание увековечить свое доброе имя в истории, в памяти народной, продвигает нас к великим делам! Но какой смысл во всем этом – вот этого я не понимаю! – Галдан-Церен глубоко вздохнул и продолжил: – Я устал от крови, от войны! Мне надоели постоянные междоусобицы родов, грызня придворных. Я устал от вражды людской, от всежигающей ненависти, зависти и предательства, подлости и лжи. Хочешь, садись на мой трон, возьми мою власть и будь владыкой калмыцкой орды!

– Благодарю вас, великий хунтайчи, – учтиво ответил Аблай хан.

– Но мой народ – казахи! Только вместе с ними я буду идти к вершинам или сорвусь в пропасть!

– Народ? Казахи! Калмыки! – Галдан-Церен усмехнулся. – Что это такое? Может, случайная ошибка природы? Какая разница властелину, над кем властвовать? Мир един и должен быть только один владыка. И народ тоже должен быть один...

– То есть как?

– Очень просто. Не надо делиться ни на джунгар, ни на казахов, турков, урусатов, шуршатов... А стать единым народом! Тогда будет мир и счастье на земле! Согласен?

– Согласен! – Глаза Аблай хана озорно заискрились. – Но тогда кем будет называться единый человеческий род?

– Да кем угодно!
– Тогда давайте назовем этот единый народ казахами?!
– А за что казахам такая честь?
– Да потому что казахи – самый добрый, душевный, самый лучший народ в мире!

– Во, куда ты замахнулся! А я полагал, что ты справедлив и разумен! Оказывается, ты тоже страдаешь себялюбием и гордыней! Ни за что и никогда свободное и гордое племя калмыков не станет казахами и не будет подчиняться им!

– Помилуйте! Это я к вашим мыслям прикидку сделал... Насчет единого народа... – улыбнулся Аблай хан. – А если по правде, то очень даже хорошо, что калмык не хочет стать казахом! Но тогда почему казах должен становиться джунгаром, шуршутом или урусутом?!

Хунтайчи Галдан-Церен усмехнулся и покачал головой.

– А насчет гордыни... – продолжил дальше серьезным тоном Аблай хан. – Каждый народ, как и каждый человек, считает себя лучшим в этом мире. Это естественное чувство, и не надо на это обижаться. Пусть каждый считает так, как ему заблагорассудится. Только не надо доказывать силой другим, что ты лучше! Все беды людские, все войны начинаются тогда, когда одни начинают доказывать другим свое превосходство насильно! Кому плохо оттого, что каждый народ останется самим собой и будет жить на своей земле, в мире и согласии с человечеством?! Казах, оставаясь казахом, вполне может уважать других, дружить как равный с равным!

– Охо-хо! Как мило и просто! – усмехнулся хунтайчи.

– Самое главное – истинно! – не отступал хан.

– Что в этом истинного? Истина в том, что мы, великие народы, должны господствовать над малыми народами, чтобы на свете царил мир и порядок! – отрезал Галдан-Церен, и в его голосе проскользнули едва улавливаемые нотки высокомерия.

– Не-ет, вы как раз нарушаете мир и порядок, сеете вражду и проливаете кровь, уничтожая все мирное и доброе! – Аблай тоже начал заводиться, но твердо держал себя в руках. – Почему вы, называющие себя великими народами, не даете покоя другим? Почему вы должны завоевывать другие страны, диктовать им, как жить, разрушать их уклад, образ жизни, властвовать над ними и поглощать их?!

– Потому что это наш путь в этом бренном мире. Мы исключительный народ и на нас возложена особенная задача самими небесами! – гордо и самоуверенно отчеканил хунтайчи.

– Всевышний создал нас разными, но равными! Настоящая дружба бывает только между равными! – выпалил Аблай хан с жаром. – И я хочу дружить с вами, с белым царем, императором Поднебесной, со всеми как равный с равным. Быть равным и жить в дружбе – раз-

ве это так трудно?! Я казахский хан! Мне не нужна другая страна! Я буду вместе со своим народом. Я не признаю ничьего господства ни над собой, ни над моим народом!

– Не зарывайся, хан Аблай! Ты умен и прозорлив. И прекрасно понимаешь, что если я разгневаюсь, то могу в мгновение ока отрубить твою мудрую голову! – При этих словах лицо хунтайчи посуровело и глаза налились кровью, голос стал металлическим. – И никто не посмеет меня обвинить за это, потому что по закону степей так и должно быть! В отместку за гибель Чарыша! Если я смог схватить хана казахов в его орде и привести к себе пленником, то ясно, что смогу и казнить его, невзирая ни на что!

Аблай молча выслушал и терпеливо ждал развязки словесного взрыва. Галдан-Церен, как тигр, мягко и бесшумно прохаживаясь по устланым шкурам хищных зверей, начал успокаиваться и в следующий миг заговорил доброжелательно.

– Но я не сделаю этого по многим соображениям! Ты симпатичен мне, Аблай! Мы с тобой и наши народы не должны больше воевать, а жить в мире! Мы должны держаться друг за друга, чтобы нас не проглотили, не стерли с лица земли! В последнее время я часто ловлю себя на мысли, что все эти годы войны, ненависти, разруше-

ния, страданий и взаимного уничтожения калмыков и казахов не имели и не имеют никакого смысла!

– О, если бы мы поняли это раньше! Если бы не воевали и не уничтожали друг друга все эти годы! – воскликнул, не выдержав, Аблай хан. – Сколько народа было бы сейчас и в Казахии, и в Калмыкии! Чего добились джунгары в результате нашествия на нашу страну?!

Хунтайчи Галдан-Церен резким жестом, подняв правую руку, остановил его, сел на трон и сказал то, чего Аблай ждал с большой надеждой и хоронил с еще большим сомнением около двух лет плена.

– У меня нет ответа на этот вопрос! Но не будем обвинять друг друга, Аблай хан! Что прошло, то прошло! Теперь надо думать о будущем! Я возвращаю тебя казахам! Не знаю, будет ли это утешением, оплатой за многолетнюю вражду и кровопролитие между нашими народами. Но я хочу одного – остановить братоубийственную, бессмысленную войну! Мы ведь не только воевали и враждовали. Но и сватались, брали в жены красивых девушек! Поэтому я выдаю за тебя замуж мою любимую дочь Топыш! Таким образом, надеюсь, мы породнимся и дальше будем жить в согласии и мире!

Аблай хан, к своему удивлению, встретил это судьбоносное решение спокойно. Он вдруг почувствовал сильную усталость, но не подал виду и с достоинством поблагодарил хунтайчи Галдан-Церена.

Они обнялись на прощание.

И после освобождения Аблая хана и всех пленных воцарился мир между казахами и джунгарами.

Не сбылись проклятия матери Чарыша. Наверное, Всевышний и благословенные им духи предков не позволили этого, потому что дело Аблая было правым. И Аблай хан прожил долгую жизнь, было у него тридцать сыновей и сорок дочерей от многих красивых жен, был он богат и народ его жил в достатке и свободе, а ханство его было независимым. Народные легенды казахов вот уже несколько веков превозносят до небес героическую и счастливую эпоху Аблая хана и его батыров. И думается, тому есть все основания.

Примечания автора

Аблай хан – великий хан казахов 18-го века, историческая личность. Настоящее его имя – Абульмансур, но впоследствии был прозван Аблаем и с этим именем вошел в историю. Мы сознательно, чтобы юные читатели не запутались, взяли только его историческое имя.

Айдар – мужская коса.

Айналайын – дословно: я буду кружиться вокруг тебя, т.е. очень ласкательное обращение.

Алгадай – идущий впереди. Воин-смертник у казахов. Эту версию мне поведал поэт Габиден Кулахметов.

Алдаспан – острая сабля особой закалки.

Аркан – веревка с петлей на конце, предназначенная для набрасывания на цель и последующего затягивания.

Аруах – духи предков.

Асыки – игра в кости.

Аттан – дословно: «по коням!»

Байга – скачки.

Батыр – воин-герой.

Би – судья-оратор, политический правитель после хана.

Джигит – молодец, удалой мужчина.

Джунгар – монгольское: левая рука (левое крыло).

Дурбут – калмыцкое племя.

Жалмауыз – сказочный персонаж казахов. Дословно: «обжиратель».

Жан – душа, ласкательное «душенька моя».

Жезтырнак – мифическое существо степи. Дословно: «медный коготь».

Жусан – полынь.

Жырау – поэт-философ кочевников.

Зайсан – каз.: жайсан, титул знатности у джунгар.

Кастек – народную легенду о Кастек батыре мне рассказал акын Оразалы Досбосынов.

Кокпар – национальная конная игра казахов.

Кумыс – напиток из кобыльего молока.

Курт – кисломолочный продукт в засушенном виде.

Найза – копье.

Ноян – нойон, витязь, князь у джунгар.

Ойрот – древнее племя, корень монголов и калмыков.

Сарбаз – воин.

Сардар – полководец.

Сарыарка – дословно: желтый (золотой) хребет, центральные и северные края Казахстана.

Султан – князь.

Тайказан – тай – полуторагодовая лошадь, казан – котел, тайказан – большой котел, где можно варить мясо целой лошади.

Таксыр – т.е. высший господин, ваше величество.

Темирказык – Полярная звезда (дословно: Железный кол).

Торгаут – калмыцкое племя.

Торе – каз. род потомков Чингисхана.

Тулпар – благородный скакун.

Тумен – десятитысячная армия.

Узан – жырау древности.

Улар – горная птица.

Улус – родной край, владения.

Уран – боевой клич.

Урусуты – русские.

Хан – казахский царь, король, властелин.

Ханзада – сын хана, царевич, принц.

Хунтайчи – джунгарский хан.

Шагатайский язык – древний, общий литературный язык тюркских народов.

Шерик – джунгарский воин.

Шуршуты – китайцы.

Содержание

От автора	3
Беспечный	5
Атака	6
Ярость	8
Никто	10
Гибель	12
Аталык	16
Лохматый	19
Истина.....	20
Аттан	24
Лавина.....	24
Исключительная метаморфоза	26
Жэлбе	29
Аблай-невольник.....	30
Одиночество. Воспоминания	30
Любовь и ненависть матери	44
Дыхание смерти	47
Трон хунтайчи	48
Странный сон	50
Посланцы казахов	51
Казнить или миловать?	52
Голова барана	54
Два владыки степей	55
Примечания автора	60
Об авторе	63

Об авторе

Баянғали Токанович Алимжанов – казахский поэт, драматург, прозаик, акын-импровизатор, жырғау-сказитель, манасши, режиссер, сценарист и актер кино. Родился в 1954 году. Заслуженный деятель Казахстана, лауреат Международной премии им. А. Малдыбаева Кыргызстана. Полетный гражданин Енбекшильдерского района. Автор 20 книг и 4 художественных фильмов. Пишет на казахском и русском языках.

*Выражаем сердечную благодарность спонсорам издания:
предпринимателю, меценату Жомарту Жаксылыкову
Омарову и киноактеру, певцу и композитору Журлану
Баянғалиеву Алимжанову.*

Алимжанов Баянғали

**АБЛАЙ ХАН И ЕГО БАТЫРЫ.
ЛЕГЕНДЫ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ**

*Художники:
М. Бурмаганов,
Ч. Нурғалиев*

*Редактор М. Каирбеков
Корректор О. Ниязова
Художественный редактор Ж. Казанкапов
Компьютерная верстка Б. Болатулы
Дизайнер В. Козлов*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФОЛИАНТ»
Телефон/факс: 8 (7172) 396 070, 395 459, 397 249
foliant@foliant.kz www.foliant.kz

Подписано к печати 08.09.2015.
Формат 60x84 1/8. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. п.л. 18,6. Тираж 5000 экз. Заказ № 0303.

Отпечатано в типографии ТОО «Издательство «Фолиант»
010000, г. Астана, ул. Ш. Айманова, 13